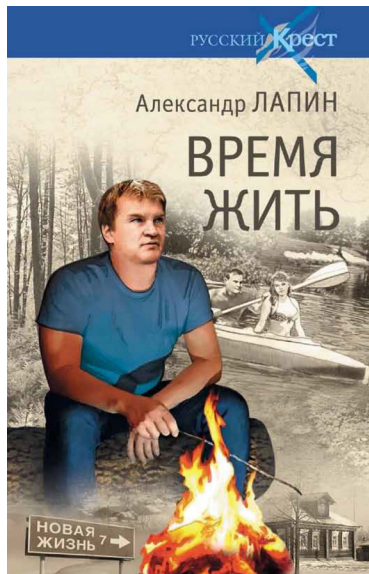

Александр Алексеевич Лапин
Время жить
Серия «Русский крест», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17824208
Время жить: Вече; Москва; 2016
ISBN 978-5-4444-4941-7

Аннотация

«Время жить» – шестая и заключительная книга масштабной саги «Русский крест» о поколении, изменившем страну. Повествование, охватившее двадцать с лишним переломных и насыщенных событиями лет новейшей истории России. Главных героев романа – четверку школьных друзей – ждет нелегкая судьба. Они влюбляются, расстаются, ошибаются, идут вперед, отстаивая свою правду, меняясь вместе со страной. Есть в романе и все драматические моменты этого непростого времени: развал государства и смена общественного строя, войны и новые рыночные отношения, первые буржуазные удовольствия и бандитские разборки...

В отличие от пяти предыдущих книг («Утерянный рай», «Непуганое поколение», «Благие пожелания», «Вихри перемен», «Волчьи песни»), заглавие финальной части романа звучит оптимистично. Значит ли это, что в судьбе главных героев все входит в привычную колею? Нет. Жизнь ставит перед ними новые непростые задачи. Как справятся они с вызовами времени, со своими внутренними сомнениями и противоречиями? Это и предстоит узнать читателю. Роман не ставит финальной точки в судьбах героев. Приходит «Время жить»!

Содержание

Часть I	5
I	6
II	7
III	10
IV	15
V	19
VI	22
VII	25
VIII	31
IX	33
X	35
Часть II	41
I	42
II	43
III	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Александр Лапин

Время жить

© Лапин А.А., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

* * *

Часть I

Бились козлики с волками

I

Ему нетрудно говорить с этим народом. Потому, что он сам вышел из него. И прежде чем начал проповедовать, добывал хлеб свой ремеслом плотника.

Вот и сегодня они собрались на берегу моря. И ждут его слов о вечном. Иисус вошел в лодку и сел. А вся толпа осталась на берегу. Он еще раз оглядел их серые лица. Понял, сколько они могут понять. И промолвил:

– Вот вышел сеятель сеять. И когда он сеял, иное упало при дороге. И полетели птицы и поклевали то. Иное упало на места каменистые, где немного было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока. А когда возшло солнце, увяло и, как не имело корней, засохло. Иное упало в тернии, и выросли тернии и заглушили его. Иное упало на добрую землю и принесло плоды; одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать...

Он посмотрел на их недоумевающие лица, вздохнул и добавил:

– Кто имеет уши слышать, да слышит!

Вечером, когда собрались апостолы, он объяснил им за трапезой то, что хотел сказать:

– Сеятель – это я сам. Зерна – слово Божие. Почва – народ. Разный. Посеянное и унесенное птицами – утерянное сразу. Упавшее на камни – принятое, но не проросшее глубоко в сердце. Тернии – житейская суета и страсти, что заглушают слово. И только упавшее в чистые и добрые сердца приносит плоды.

Как говорится – много званных, да мало избранных.

II

«Дорога, дорога, ты знаешь так много о жизни моей непростой!» – навязчивая мелодия стучала в висках уже целых полчаса. И он никак не мог избавиться от нее. Тем более, что она абсолютно точно выражала его мысли.

Дорога – это его жизнь. Семьдесят дней в году проводит он за рулем. Стремительно перемещается в пространстве, на котором раскиданы его предприятия. Зимой и летом. В любую погоду мчится его трехлитровый турбированный «ауди» по трассам Черноземья и Юга России.

Что же, «назвался груздем – полезай в кузов». Захотел стать свободным издателем – соответствуй во всем. Живи на колесах.

Вот и сейчас, в январскую стужу, когда хороший хозяин и собаку не выгонит из дому, он ехал в город Ч. Туда, где сегодня в крупном областном центре находился его главный офис.

Полноприводная машина на шипованной резине хорошо держала дорогу. И Дубравин, чуть расслабившись, оглядывался по сторонам.

Вокруг зимние пейзажи. Насколько хватает глаз – покрытые снегом поля. Вдоль дороги узорчатые, обледеневшие деревья лесных полос. По-видимому, вчера, в оттепель, они были облиты дождем, а теперь, когда ударил мороз, покрылись белым, невообразимой красоты узором. Ледяным кружевом.

Не вчера началась эта дорога в новую жизнь. Тогда, после всего, что случилось с ними, он долго раздумывал. О том, что же ему делать дальше. Внутренне, в своем сознании он уже оторвался от «Молодежной газеты», от столицы. И дальнейшее продолжение того бытия казалось ему скучным и бесполезным хождением по кругу: «Надо уходить! Делать то, что задумал. Но без нее. Без Галины».

На очередном ежегодном осеннем семинаре «Молодежной газеты» он вышел на трибуну. Долго молча смотрел в зал. Туда, где сидели его соратники по борьбе.

Как же они изменились за эти годы! Образно говоря, закалились. Выделились из серой человеческой массы. Превратились под чудовищным давлением из «мягкого графита» в настоящие «человеческие алмазы». Чудо-богатырей.

Очень многое ему хотелось сказать этим людям. И о том, что все они, как герои романов Фенимора Купера, являются «следопытами», идущими «в леса новой жизни». И о том, что пришло его время начать самостоятельное дело. А также о том, что он их любит, прикипел к ним сердцем.

Но вымолвил он совсем другое:

– Я ухожу!

Зал охнул. И притих. Видно, никто не ожидал такого поворота. Что бы там ни говорили в кулуарах, о чем бы ни шептались враги, они все равно оставались «отцами-основателями». И его неожиданный уход поселил в сердцах людей тревогу и беспокойство.

«А как же мы?» – увидел он вопрос в их глазах...

Дубравин отбросил воспоминания, когда его «ауди» уткнулся в хвост длинной, самодвижущейся пробки на колесах.

Полный привод вдохновляет его на обгон. Но сейчас зима, черт бы ее побрал! А впереди него десятки ползущих полегоньку, потихоньку по заснеженной, нечищенной трассе изделий отечественного автопрома. И тут не до шуток. Случись что – пробка встанет, растянувшись на десяток-другой километров.

Началась пурга. Ветер срывал с полей снежинки, бросал их на лобовое и боковое стекла. Снежными щупальцами шарил по асфальту, зацепившись за неровности, начинал наметать заносы и переметы.

Ехать становилось труднее, так как из-под колес идущих перед ним фур поднимались в воздух белые вихри.

Впереди «древний русский автомобиль Волга» сделал рывок и отчаянно попытался начать обгон. Но увы! И ах! Левым передним колесом он попал в пушистый снег. Потерял курсовую устойчивость и, с разворотом, влетел в сугроб на обочине.

Никто не остановился. Колонна продолжала движение.

Проезжая мимо, Дубравин краем глаза увидел, как из погрузившегося в снег кузова вылезли водитель, а следом и пассажир.

Но решимость его велика. Надо срочно обходить колонну. Иначе до темноты ему до места не добраться.

Тут и пригодилась дополнительная мощность двигателя. И полный привод. Дубравин начал обгон и играючи обошел один, второй, третий грузовик...

Впереди уже маячил оперативный простор.

Он хорошо обошел предпоследнюю, окутанную летящей из-под колес снежной пылью фуру и уткнулся в «небесный тихоход». Это был тяжело нагруженный стальной арматурой длинномер – победитель всех на свете марафонов. Отечественный «КамАЗ».

Некоторое время Александр двигался за вылезшим из кузова метра на полтора гремящим стальным частоколом. Висматривал через несшийся впереди снежный вихрь дорогу. Готовился сделать очередной обгон.

«Вроде чисто! Ну, милая, не выдай!»

Вылез на встречку. И осторожно продвинулся вперед. Еще чуть-чуть, и он уже сравнялся с кабиной длинно-мера. В этот миг он заметил, как впереди, откуда-то из белой мглы, вылетели, вырисовываясь на дороге, светлые «жигули». С погашенными фарами, без габаритов эта машина была похожа на серый призрак.

Он каким-то шестым чувством ощущал, как быстро двигался навстречу этот «старинный русский автомобиль», вынырнувший из пурги.

«Вперед не успеть!»

Инстинктивно ударил по тормозам. Сработала система курсовой устойчивости. Педаль начала прыгать под подошвой. Иномарка, как остановленная на полном скаку лошадь, уперлась всеми четырьмя шипованными колесами в заснеженный, с настом асфальт.

А «жигули» неумолимо летели навстречу. Через секунду он понял, что уходить от лобового удара ему некуда. Справа кузов длинномера. Слева металлическое ограждение трассы.

Странное дело. В эти мгновения его не покидало какое-то отстраненное, ледяное хладнокровие. Как будто это не он, а кто-то другой в нем считал и решал: «Только бы задние колеса дальнмера успели пройти! А там – рывком вправо. Хоть под кузов. Обдеру весь капот. Но уцелею!»

И про себя просил: «Ну, давай, давай же, обходи меня!»

Оставалось буквально метров двадцать до мчащихся вперед «жигулей». Краем глаза он видел, как справа проплывал длинный, груженный арматурой кузов.

И уже буквально в пяти метрах от несущейся навстречу смерти рывком бросил свою машину вправо. Капот «аудиохи» оказался под нависшими из кузова арматуринами с повязанной на них красной тряпкой.

Мимо снарядам пролетели «жигули» с затемненными стеклами...

Липкий страх и ужас прошли в ту секунду, когда Александр наконец осознал: «Пронесло, Господи!» Через минуту им овладел приступ такой ярости, что он несколько раз ударил кулаком по рулю:

– Гад! Сволочь! Подонок! Надо развернуться, догнать мерзавца! Остановить и набить морду! В такую погоду, в пургу не удосужился даже включить габариты и свет! Что ж это за люди такие! Что ж за ублюдки! Ну ладно, свою жизнь ты ни в грош не ставишь. Но другие-то в чем виноваты, что из-за твоего разгильдяйства должны рисковать жизнью!

Потом успокоился. Вряд ли тут, на узкой полосе, в снегу, удастся развернуться. Да и где его искать? Без примет, без номеров. Скорее всего, он просто шары залил! И несется!

* * *

Гул мотора успокаивал. И Дубравин, борясь с усталостью, сильно сожалел, что не послушал жену и выехал так рано. «Надо было доспать. Все равно день пропадет в дороге! Хотя и приедешь на пару часов раньше».

Мысли его перескочили на дела семейные, личные. А они были вовсе не такие радужные. После разрыва с Галиной все как-то само собою пошло наперекосяк. Жена отнеслась к его самостоятельности весьма прохладно. Ни помощницей, ни душевной опорой стать не смогла. Не захотела. Первые неизбежные неудачи на самостоятельном поприще вызвали у нее панику. И Дубравин горько жалел о том, что рассказал ей о них. Какое бы новое дело он ни начинал, Татьяна каждый раз вспоминала неудачу со строительством «фастфуда» и заводила одну и ту же песню: «Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты... А помнишь, как тебя обманули компаньоны?» Дубравин злился, терял весь свой энтузиазм. И в конце концов решил больше ей ничего не рассказывать. Ну а так как дома он бывал редко, то наметившаяся трещина все росла и росла...

Галину он давно понял. Ну а кто понял, тот простил. Более того, христианский, нынешний взгляд на мир все перевернул, переворошил в его видении ситуации. Теперь он считал виноватым себя. «Я стопроцентный эгоист, который только и думал, что о своих планах, надеждах, жизни. Не понимал ее. И считал, что “баба, она должна за мужиком идти, как нитка за иголкой”». Не дорос, видно, еще до понимания того, что мир изменился и у деловой женщины могут быть свои виды на будущее. Для нее всегда так важен был статус. А что я ей предлагал? Главное – уехать. А там разберемся. Кем она бы стала? Из мужних, законных жен да в любовницы, в подруги? Опять же материальная сторона. Это по пословице “с милым рай и в шалаше”. А сегодня уже с добавочкой: “если милый атташе”.

Ну и столичная жизнь ее очень увлекла. Она ведь только выбралась из провинции. Только обжилась, работу престижную получила. А тут я предлагаю: все бросай! Поехали! Начнем новую жизнь! А получится ли она, эта новая история? Об этом я и не думал в своем мужском эгоизме.

Хотя, с другой стороны, не это мне душу жжет. Не это. А то, что мне тогда сказала: “Я и тебя люблю. И его люблю!” Значит, никого по-настоящему не любит».

И, обогнав очередную фуру, дополнил: «Впрочем, чужая душа – потемки. А уж женская вдвойне. Но с этим, как говорится, ничего не поделаешь. С этим просто придется жить. Стараясь не обижаться самому. И никого не обижать».

III

Одна из главных артерий страны находилась в плачевном состоянии. Всего две полосы. И те идут через бесчисленное количество деревень, городков и поселков. И вот ее, как «корку хлеба тараканы», оседлали ненасытные гаишники.

Народ богател. Поток машин становился все больше. У Дубравина даже сложилась собственная теория по этому поводу. «Сначала, на первом этапе, люди просто наедаются. Потому и набивают в супермаркетах полные тележки еды. Тащат все, что им было недоступно в прошлые времена. Наелись – принялись одеваться. Покупать барахло. Сапоги. Сумочки. Куртки. Шубы».

Он видел по собственной жене, с какой страстью и азартом бывшие советские, а ныне российские женщины тащили из магазинов все, что раньше было им недоступно. Тащили, даже не задумываясь о том, нужно ли им это. Разбуженный потребительский инстинкт, зачастую не сдерживаемый ни воспитанием, ни образованием, давал такие причудливые плоды, что оставалось только разводить руками. И периодически философски обобщать результаты: «Мужчина испытывает восторги полет души, когда творит, женщина – когда потребляет».

Впрочем, он никого не осуждал. Ведь сколько времени народ получал материальные блага по граммულке – лишь бы не помер с голоду.

Вот пружина и распрямилась в годы относительного благополучия. Когда пришло время жить.

Он даже знал, что происходило сейчас. Третья стадия. Те, кто наелся и оделся, – покупали машины. Поэтому на дорогах было уже не протолкнуться.

Ну а дальше? Дальше люди начнут строить дома. Он сам уже прошел и эту стадию. За десять месяцев шведская фирма поставила ему в ближнем Подмосковье по своим технологиям хороший коттедж. С сауной, маленьким спортзалом и камином.

«А после, построив дома, люди захотят, чтобы их уважали. И тогда у нас в стране начнется самое интересное. Появится то, что на Западе называют гражданским обществом. Или средним классом. Человек с домом – это совсем...» – он не успел додумать эту важную мысль. Из-за остановки выскочило то, что называется сотрудником ДПС. В руках у него была волшебная полосатая палочка, именуемая почему-то жезлом.

Пришлось тормозить. И съезжать на обочину. Из машины он не выходил. Ждал, немного опустив стекло. Подошел вразвалочку одетый в теплый синий комбинезон со светоотражающими вставками молодой, длинный парень. Представился неразборчиво:

– Бу-бу-бу! Лейтенант бу-бу-бу! Ваши документы! Дубравин посмотрел на его счастливое лицо и понял, что, призадумавшись, обошел фуру под знаком «Обгон запрещен». Поэтому не стал спорить, а молча выбрался из теплого чрева машины на мороз. Так же неторопливо достал с заднего сиденья дубленку. Надел. Теперь можно и разговаривать. Он миролюбив. И договороспособен. Потому, что за годы странствий у него выработалась формула: нарушил – плачу. Разводят – иду на конфликт.

Подал водительские права и техпаспорт:

– Ну и что я нарушил?

– Вы, Александр Алексеевич, нарушили правила обгона! – было видно, что розовощекий молодой страж порядка чрезвычайно доволен этим обстоятельством.

– И сколько это в рублях по нынешнему курсу?

«Сейчас он должен предложить сесть в машину. Там и будем договариваться».

И точно:

– Да вы пройдите в автомобиль к моему напарнику! Дубравин сел в раскрашенную патрульную машину.

И продолжил диалог с новым визави. Этот был, судя по всему, уже более тертый, выдавший виды белобрысый, кучерявый капитан.

Он задумчиво разглядывал его водительское удостоверение и техпаспорт на «ауди».

– Ну что, капитан, я вообще-то сильно тороплюсь! – бросил Дубравин свой пробный шар, начиная этот привычный, как он про себя называл его, «обряд дома Месгрейвов».

Но капитан, видно, не торопился. Его что-то интересовало в автомобиле:

– Хочу купить такую же вот полноприводную «ауди», – наконец сказал он, доставая ручку. – Сколько она стоит?

– Ну, тысяч пятьдесят в долларах! – ответил польщенный интересом Дубравин. – Новая!

– Дорого! И как люди ухитряются столько зарабатывать?

Дубравин за словом в карман не полез:

– А все очень просто, – усмехнувшись, ответил он. – Надо было году в девяносто втором бросить свою непыльную работенку. И как в воду, с головой кинуться в бизнес. И лет десять упираться, не спать ночами, пахать. Сегодня у вас была бы точно такая «ауди»... Или даже «мерин»...

Говорил он это без зла или какого-либо желания поддеть гаишника. Говорил с вежливой улыбкой, стараясь не обидеть человека. Его позиция в данной ситуации проста и понятна каждому. Это как в игре. В «казаки-разбойники». Мы едем. Вы ловите.

У каждого в этой жизни своя роль. Да и парни эти – простые русские парни. Не хамят, не наезжают... Что ж конфликтовать? Все хотят жить...

Но обостренное чувство справедливости заставляло его частенько спорить и ругаться. Последний раз он поцапался с «хозяевами дороги» на «голодном посту», который находился на границе Тульской и Калужской областей. Тамошние гаишники взяли себе за правило останавливать его машину просто так. «Для проверки документов». Из принципа. Едет дорогая иномарка с московскими номерами. Как же не попытаться обобрать проезжего человека?

Остановят. И начинают: «Покажи то, покажи это! А где у вас огнетушитель? А что у вас в багажнике?» Дубравин терпел-терпел. А потом как сорвался. Как попер на них матом. И с такой яростью, что «аж чертям тошно стало».

Пришлось им тогда срочно вернуть документы. И убраться в свою нору.

Но сегодня он миролюбив и договороспособен:

– Я по этой трассе два раза в месяц езжу. Вроде знаю все места, где вы стоите. А здесь никогда не видел.

Капитан потряс кудрями, шмыгнул носом. И обиженно так ответил:

– Да мы тут вообще первый раз стоим. Наш взвод только на авариях работает. Оформляет. А здесь на трассе создали отдельное подразделение. Собрали в него всех блатных, родственников, сынков районных начальников. Вот они тут стоят, зарабатывают. А мы – черная кость. Только аварии разбираем. Это нам сегодня подвезло. Рейд объявили. А так нас к трассе и не подпускают.

– Да! – сочувственно заметил Александр. – Такие времена. Братья, сватья, сыновья. Одно слово – кланы. К кормушке только своих.

Они расстались по-доброму. Без того тяжелого чувства озлобления и ненависти, которое чаще всего испытывают люди после таких встреч.

«А дорога серою лентою вьется». Образно сказано. Но точно. Обледенела она. Зимняя дорога. Снежок укатало. И Дубравин, наученный горьким опытом, несмотря на полный привод, начал тормозить. Побоялся, что будет как в прошлом году. Полетал он тогда знатно. Под седлом у него было произведение шведских автомобилестроителей. Зеленый, переднеприводный «сааб». Хорошая машина, похожая на маленький самолет, с мощным турбированным двигателем. Ехал из Смоленска. Особо не гнал. Так, шел километров сто тридцать.

Дорога ровно ложилась под колеса. Гудели шины. И ничто не предвещало беды.

И вдруг! Ох уж это вдруг. Он почувствовал, как машина полностью потеряла сцепление с трассой. И ее выносит на встречную, при этом разворачивая поперек полосы боком.

И было такое ощущение, будто кто-то невидимый и могучий как бы ладонью взял и смахнул его «сааб» с асфальта.

– Все, кранты! – прошептал он, понимая, что сейчас слетит с полотна вниз, в кювет, и начнет кувыркаться по полю.

Но что откуда взялось! Первый его рефлекторный порыв был прост. Начать тормозить. Но что-то, наверное, опыт, удержало его ногу на педали газа. И вместо того, чтобы гасить скорость, он начал потихоньку прибавлять обороты.

Зеленый «сааб» несся боком по встречной, срезая и поднимая задними колесами, как входящий в вираж сноуборд, тучу снега, летящего фонтаном выше крыши. Но бешено крутившиеся передние колеса вгрызались в ледяную корку и чудом, по чуть-чуть, вытаскивали автомобиль из заноса. Еще несколько секунд такого свободного полета – и «сааб» выровнялся на трассе.

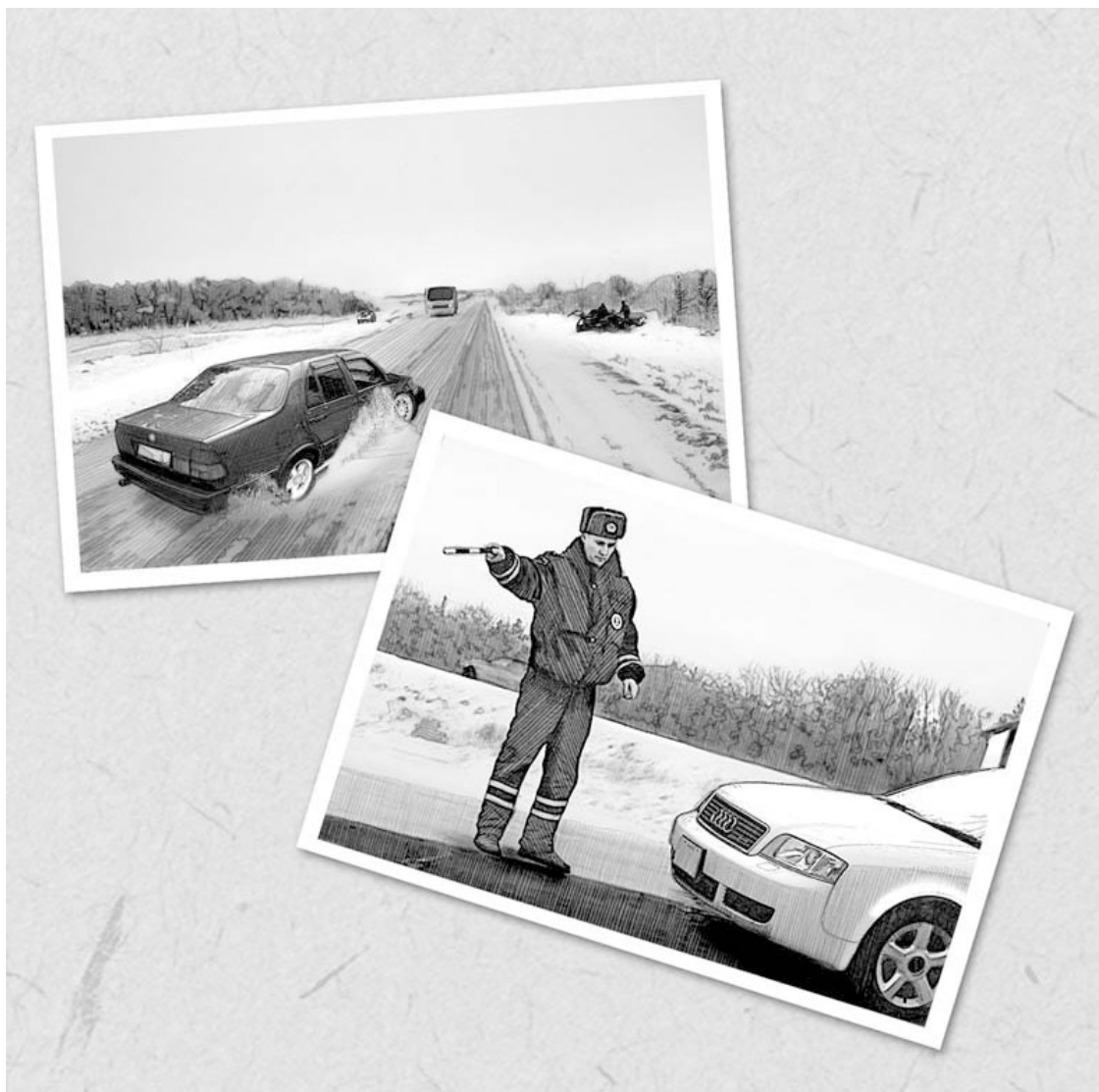
Дубравин подрул к обочине. Остановился. Открыл дверь. Вышел из салона.

Руки и ноги дрожали. Он сел рядом с машиной на корточки. Сидел несколько минут. Дышал. Затем огляделся: «А если бы навстречу шел грузовик?» Но додумывать эту мысль ему совсем не хотелось.

Он осмотрелся. И увидел, что по обе стороны от трассы лежали, кто на боку, кто на крыше, машины. Посчитал – пять штук. А возле них копошились люди. Тогда он прошел назад и обнаружил, что асфальт был покрыт тончайшей ледяной коркой, которую на ходу и не заметишь...

Так что тот опыт не прошел даром. Он сменил машину на полноприводную, стал очень внимательно разглядывать асфальт. И зимой тщательно следить за скоростью.

«Машин все больше. Идет первичная автомобилизация России. Все, как я писал в статье много лет назад. А вот с дорогами беда. Как говорится – в России две беды. Дураки и дороги». А теперь, вспомнив летевшие навстречу сумасшедшие «жигули», он додумал: «Нарождается и третья. Дураки на дорогах».

* * *

Обед как всегда. По расписанию. На середине трассы. В кафе под сакраментальным названием «Рябинушка».

История его появления интересна и поучительна с точки зрения развития бизнеса в российской глубинке. Несколько лет назад Дубравин ехал по этой трассе. И всю дорогу почем зря ругал свой народ:

– Двести с гаком километров – и ни одного питательного пункта не встретили. Что ж за народ наш такой бестолковый! А ведь рядом деревни. Открыли бы кафешку. И им хорошо, и нам...

И вот ровно посередине трассы он заметил у обочины – даже не кафе – просто киоск, на котором было написано на бумажке: «Чай! Кофе! Сосиска!» Обрадовался Дубравин и сказал своему спутнику Юрке Бесконвойному:

– Вот, Юрец. Зря я грешил на наш народ. Пробуждается в нем предпринимательская жилка.

И твердой поступью направился к этому самому павильону, чтобы наконец вкусить плоды цивилизации. Постучал в закрытый ставень.

Там, внутри, кто-то очень долго возился. Наконец ставень поднялся. И что же он увидел? Усатую, небритую азербайджанскую физиономию.

Так он познакомился с Али...

С тех самых пор и повелось. На середине трассы он обедал «У Али». Вместе с водителями большегрузных фур.

Постепенно азербайджанский бизнес развернулся в придорожное кафе с пристроенным сбоку платным сортиром, пунктом шиномонтажа, магазином.

Место простое. Затертые стулья. На столах клеенки. Жирный хаш, салат из помидоров и огурцов, люля-кебаб, шашлык... Все не слишком изысканное, но сытное, рассчитанное на железные желудки дальнобойщиков.

И каждый раз, отобедав этих яств, Дубравин с обидой думал о своем народе: «Что ж так! В середине России. Почему же мы не можем? Сами!»

Так продолжалось долго. Пока однажды на другой стороне трассы, на вычищенной и вновь заасфальтированной площадке кто-то не построил с нуля новенькое кафе под названием «Рябинушка». Светлый, просторный зал. Легкая – металл с пластиком – мебель. На стене – плазма. Игрет музыка. За стойкой, где лежит меню, миловидная русская женщина с приятным круглым лицом и в чистом переднике. Она приветлива и улыбчива...

«Вот и появились у Али конкуренты. Зря я так “окрысился” на русских. Значит, можем! Только мы долго запрягаем!» – думал он, перекусывая куриной лапшой и домашней котлетой вполне приемлемого качества.

С тех пор он обедал только у своих. У русских. Из принципа. Даже несмотря на то, что частенько заставлял у «Рябинушки» вереницу автобусов. И толпу пассажиров.

Понимал. Надо поддерживать своих, таких же как и он, предприимчивых и упорных...

IV

Крылова, словно прилежная ученица, старательно склонив голову набок, записывала основные постулаты лекции.

Кто бы мог подумать еще несколько лет назад, что ее, красивую, модную, находящуюся в поиске молодую женщину, так увлечет этот мир таинственных религий, мистики, эзотерики, оккультизма. И она станет любимой ученицей мастера.

Но, видно, так уж устроен этот мир, что, не реализовавшись в семье, человек, полный энергии, любви и силы жизни, ищет опору в подобных себе. И пытается разобраться в окружающем мире с помощью древних, полузабытых человечеством ритуалов, обрядов и нестареющих истин.

А Марья Степановна, шагая у школьной доски с указкою и мелом в руках, продолжала медленно диктовать. Она не сильно изменилась с тех пор, когда они встретились в первый раз. Все такая же – невысокая, полная, одетая в серые брюки и вязаную кофту женщина. Все такое же желтоватое лицо, прическа, собранная в пучок. Разве что на лице появилось несколько морщинок, а серые глаза стали еще грустнее.

Видно, что, несмотря на все глубокие философские познания, проза жизни все равно не обходит и ее стороной...

– Итак! Мир архетипов. Может ли он брать нас на испытания? – спрашивала она и сама же отвечала на вопрос. – Да! Если мы испытания проходим, то мечта посылает нам знаки. Это первый этап. На втором этапе мечта еще не открылась... И на третьем она созревает. И опускается в мир. Как быстро? Это зависит от силы воображения и вдохновения. Вдохновение, именно вдохновение дает силу, чтобы довести мечту до реальности. А если нет этого вдохновения, то мечта может заглохнуть. И если она заглохнет, то в мир опустится уже мертвая форма... Ждать опускания своего архетипа нужно активно... Но если выдерживать мечту раньше срока, то она не выживает...

Не бывает ничего невозможного. Существует только ставшее невозможным.

Людмила внимательно слушала Бобрину и одновременно думала о своем: «А что, собственно говоря, мешает мне проверить на практике ее слова? Ничто не мешает. Надо попытаться найти то, что было в моей жизни главным. Ту мечту, которую я несла с собою, пока обстоятельства не заставили меня усомниться в ней, и пока я не стала сама разменивать эту мечту на какие-то временные вещи, которые приняла за настоящее. Обязательно сегодня же попробую и начну делать это!»

Она огляделась. За те годы, что Людмила ходила сюда, множество людей сменилось в их группе. Приходят. Ищут себя и для себя. Не находят. И уходят. Благо, теперь в новой России имеется в наличии огромное количество разных курсов, групп, сект, организаций, тренингов, которые обещают все и сразу. Вот и здесь это уже третий или четвертый осенний набор. Много молодых.

Через ряд сидит длинноволосый юноша с тонким интеллигентным лицом. На прошлом занятии он заявил, что его посещают какие-то роскошные видения в ярчайших красках. Рядом с ним смешная рыжая девчонка с косичками. Лукаво поглядывает на юнца исподлобья. Тоже ищет. Известно, что ищет. Истину.

А вот за нею дородная матрона в меховой шапке уткнулась в книжку. Видно, сравнивает: «Там учили так. А что здесь?»

Взбаламутился народ. То ли дело советское время. Марксизм-ленинизм – единственное и неповторимое учение. Диалектический материализм. Исторический материализм. А больше ничего и не надо. Теперь вот путаница в головах. Путаница в жизни.

А Марья Степановна уже перешла к следующей теме, к вопросам о тайной эзотерической символике. Сегодня речь шла о кресте.

– Крест – один из самых древних, широко распространенных и наиболее богатых по значению символов, – начала она диктовать с импровизированной кафедры начало новой лекции. – Например, крест в кругу – это магический знак, которым пользовались еще волхвы. Так что происхождение этого геометрического символа восходит к древним временам...

Людмила отвлеклась. Она уже прочитала очень много самой разнообразной литературы по символике. И ее трудно удивить теми самыми разнообразными формами, которые принимал этот знак в египетской, греческой, христианской, мальтийской, византийской и других традициях. Она пробует свои силы в предыдущем упражнении. Усиленно ищет свою мечту, погружаясь в прошлое. В свою юность.

После занятий они с Марьей Степановной, как закадычные подружки, вдвоем отправились к Бобриной. Как ни странно, а может быть, и закономерно, эта замечательная женщина, «мастер рейки», философ в юбке, так и не смогла подыскать себе хоть какого-нибудь завалящего мужичка. И куковала на свете одна-одинешенька.

Поэтому дом ее был открыт для гостей со всех волостей. Людка тоже после занятий частенько заходила сюда вечером. Ели тортики, пили чай, разговаривали о своих проблемах и победах. И, конечно, велись бесконечные дискуссии... о мужчинах. Вот и сегодня разговор, как обычно, начался с высокой ноты. О символике:

– Вот мы сегодня говорили о кресте. А ведь есть специальные женские символы. Взять хотя бы пятиконечную звезду. Ведь это чисто женский символ. Когда-то в древние времена ею обозначали богиню любви и красоты Венеру! – рассказывала за чашкой чая Бобрина.

– Вот как? – удивилась Людка. – Ведь ее же коммунисты взяли на вооружение в семнадцатом году после революции!

– То-то и оно, – заметила Бобрина, – многие из них были масонами. Вот и внедрили звезду, пришедшую к ним из учения. Да, вообще, весь мир полон символов и знаков. Надо только уметь их читать, – сказала она, отпивая чай из белой фарфоровой чашки. И, заметив отпечаток помады на фарфоре, вытерла его салфеткой.

Разговор снова вернулся к теме сегодняшних занятий:

– Мысль – она творит. Если ты хочешь чего-нибудь, то надо пожелать этого сильно-сильно. И желать постоянно, чтобы там, – Бобрина показала обеими руками вверх, – на небесах, услышали твой голос. И откликнулись. Ну и, конечно, если ты чего-то хочешь, надо что-нибудь для этого сделать. У тех, кто решает, ведь нет рук. Они могут сделать твой заказ только чьими-то руками. Это во всех религиях есть. И в христианстве тоже. Помнишь? Стучите! И вам откроют!

Людке, воспитанной в СССР и приученной новой жизнью надеяться только на себя, сложновато это сразу усвоить. Но она старательная.

– Конечно, все кричат, обращаются к Богу. В такой обстановке, чтобы тебя услышали, надо кричать громче других, с эмоциями, с любовью.

Но с высоких материй разговор, как обычно, опустился на землю. Не так давно Людка обнаружила, что она у Владилена не одна. Как-то вскользь выяснилось, что он женат. А тут еще ей намекнули на работе, что начальник начал приударять за одной новенькой, молоденькой козочкой.

Лет пять тому назад она бы устроила ему скандал. Но сейчас... Призадумалась. Хотя женская гордость ее бунтует. И требует сатисфакции: «Ты – единственная и неповторимая. Плюнь на него».

Когда-то в России бытовали правила: с женатым – ни-ни. Нельзя разбивать семью. Сиротить детей. Ах, как давно это было. Теперь другие времена. Мужики мрут, спиваются,

не могут прокормить семью. Да и вообще, такое ощущение, что их все меньше и меньше. Вот жизнь и подбрасывает все новые и новые вопросы. И тут уже нельзя рубить с плеча. Тем более, что когда она вчера во время встречи с Владиленом попыталась так аккуратно завести об этом разговор, «лысый черт» так нахально ей и заявил:

– Да, детка, по природе мужики вообще полигамны. А я ни от кого не скрываю, что являюсь многоженцем. Тебе что-то не нравится?

И хоть стой, хоть падай. Что сказать? Поневоле задумаешься. Ведь в принципе живут они давно. И неплохо. Он приезжает к ней пару раз в неделю. Купил квартирку. И бросать эту хоть как-то наладившуюся жизнь ей ох как не хочется. Тем более, что ей страшно хочется иметь ребеночка. И мысли все время одни и те же: «Пора! Пора! Пора!»

Вот об этом она и рассказала своей старшей подруге. Марья Степановна внимательно выслушала ее, шмыгнула носом и выдала такое:

– Мы, бабы – дуры! – с чувством произнесла она. – Какая у тебя проблема? Нет никакой проблемы. Он с тобою спит. Можно сказать, тебя содержит. Подарки дарит. Советуется... Лебезит... Чего тебе еще надо?

– Но ведь у него жена!

– Жена не стена, как говорится. Можно и подвинуть. Да и не в этом дело!

– А в чем? Ведь заедает...

– Ну хорошо! – наконец Бобриня снизошла до объяснений. – Давай посмотрим трезво на всю нашу жизнь. Итак, твой Владилен объявил тебе открыто, что ты у него не одна.

– Ну!

– А кто у нас сегодня из серьезных, богатых, состоявшихся мужчин не таков? Они все многоженцы. Просто у некоторых процесс растянут во времени. Вот хоть из твоей среды, телевизионщиков, этот, как его... Гордом. У него четвертая жена! Или Колчаловский – пятая. То есть берут бабу замуж. Поживут-поживут. И меняют. Хороводят и куролесят. Другие, как твой Владилен, живут одновременно с несколькими. Одна была законная, вторая чуть знакомая, а третья... третья просто так. Классический пример – Боря Ненцов. Ну и в чем тут проблема? У кавказцев это вообще норма.

На мой взгляд, настоящий мужик может иметь столько женщин, сколько может прокормить и удовлетворить. Ну а так как сегодня они в дефиците, днем с огнем не сыщешь, то женщины и стараются прибиться к ним. И правильно делают.

Рассуждают при этом так. Лучше иметь половинку или четвертинку от настоящего, чем всю жизнь жить с каким-нибудь обмылком, алкашом или бездельником, не способным ни на то, ни на это.

Людка сидела, обескураженная таким поворотом разговора. И все пыталась переварить своей красивой, неглупой головой то, что сейчас выдала философ в юбке.

Ей было трудно сразу согласиться с Бобриной. Но что-то в ее позиции такое ценное есть.

– Так-то, может, оно и так, – заметила она. – Но ведь сегодня он с тобою носит. А завтра скажет: «До свиданья, дорогая. Я нашел себе другую». И останешься у разбитого корыта.

– А вот это правильное наблюдение. На мой взгляд, надо, чтобы государство узаконило многоженство. И тогда все эти многочисленные подруги, любовницы, вторые жены имели бы возможность законно выйти замуж, получали бы свой штамп в паспорте. Со всеми вытекающими последствиями и правами. Как при разводе, так и в случае смерти мужа и отца.

– Ну, вы даете, Марья Степановна, – с некоей даже долей восхищения подругой заметила Людмила и положила на столик уже начатый бисквит (лишнее будет).

– Конечно, живут же мусульмане. Не парятся. И мне кажется, они уже давно сформулировали, как-то упорядочили эти отношения.

– Ну, это у них от Корана идет...

– Не только от Корана. Исторически сложилось. Если брат умер, его жену брал под свое крыло другой брат. Не оставаться же ей одной. Много мужчин погибало на войне. Вот и нашли выход. Нормальное, здоровое общество всегда находит какой-то выход в критической ситуации. Меняет стереотипы поведения, обычаи, привычки, законы. В том числе и брачные. У нас сейчас как раз такой период. Критический. Вот и расцвело подпольное, скрытое многоженство.

– Ну и когда же у нас такое произойдет?

– А тогда, когда бабы поймут свою выгоду. Сообразят, что такой поворот им на руку. Когда критическая масса формально одиноких превысит все разумные пределы. Вот тогда мы выйдем. И потребуем введения нового закона.

– Понять это можно. А вот принять для себя... Сложно.

– Девушка, дорогая! – усмехнулась Бобриня. – В нас, женщинах, сидит собственница. И страх. Как это я буду с кем-то делить мужа? И мы всегда боимся, что если появится у мужчины кто-то на стороне, то нашим детям корму не хватит. От того и ревность дикая, собственническая цветет и пахнет. А по мне, в такой ситуации любой брак – уже хорошо. Лишь бы дети рождались. Хоть в официальном, хоть в церковном, хоть в гостевом, воскресном, гражданском, каком угодно. Посмотри, сколько девок с ума сходят, замуж хотят. Рожать хотят. А не от кого. Так что живи и радуйся тому, что имеешь.

– Но...

– А что «но», душенька моя? Я вот тоже смолоду все говорила себе: все должно быть по правилам. Как нас учили бабушки и мамы. И что теперь имею, кроме богатого душевного мира?

Тем более, девушка, что ты в своей истории находишься в привилегированном положении. Ни обед каждый день не варишь, ни носков не стираешь, ни лечишь, сопли не утираешь. Живешь, как у Христа за пазухой.

Прямо как королева. На всем готовом. Удобно устроилась. Так что тебе грех жаловаться.

Да, удивил Людмилу Крылову такой поворот разговора с мудрым «мастером рейки».

Удивил. И очень сильно заставил задуматься о жизни. О судьбе. Хотя то, о чем они говорят сегодня, ей знакомо не понаслышке. И то, что каждый стоящий мужичок тянет две, а то и три семьи. И то, что меняется женский взгляд на мир. Стереотип поведения. Но сегодня все это ей додумывать некогда, и она просто сказала сама себе: «Мы вообще более пластичны. И всегда находим оправдание. Хотя бы в виде такой сентенции. Ну, я не виновата. Так получилось».

– Что призадумалась, девонька? – оторвала ее от грез Бобриня.

– Да вот над всем этим.

– Много будешь думать – голова разболится. Морщинки пойдут. Живи проще. На следующей неделе у нас интересная тема. Астрология. Я вам расскажу про знаки зодиака. Будем практически смотреть, под какими созвездиями ваши суженые-ряженые ходят. Кого искать-то надо. А сейчас по домам. Устала я.

Весь вечер, даже засыпая, Крылова размышляла над услышанным. Делала выводы. И вольно и невольно постепенно соглашалась с той простой логикой жизни, которая так незаметно, буднично вторглась в ее мир. Заставляла шаг за шагом пересматривать свои горизонты.

V

Горы в этих пустынных местах похожи на афганские. Песок, камни, мрачные ущелья. Ни заснеженных вершин, ни шумных речек, ни «зеленки». Все уныло, насквозь продувается ветрами, которые из года в год, из тысячелетия в тысячелетие шлифуют эти камни, обтачивают валуны, скатывая их со склонов.

Их база примостилась у подножия такой вот серой, пустой, поросшей травой горы. Несколько деревянных сборных домиков, огороженных колючей проволокой. Будка КПП, где от секущего песчинками, злого, холодного зимой и огненного, обжигающего летом ветра прячутся часовые. Полосатый шлагбаум. Вокруг на десятки километров – никого. Разве что раз в год забредет в эти края какой-нибудь незадачливый пастух с отарой курдючных овец. И снова – тишина. Но покоя нет.

Степной орел, что живет на соседней, такой же пустынной вершине, почти каждый день наблюдает одну и ту же картину.

Полутру, когда огненный диск солнца только-только отрывается от вершины, а в самой долине у подножия еще царят холод и сумерки, в лагере у ограды начинает тарахтеть дизельный генератор. Загорается электрический свет. Через несколько минут из соседних домиков выскакивают полуголые человечки. И бегом пускаются по тропинке, протоптанной между валунов и камней. Еще через полчаса из домика выходит сухопарый, уже одетый по полной полевой форме майор. Смотрит на часы, на небо. И начинает руководить процессом. Физподготовки.

Казаков служит теперь здесь. В республике. В организации, которая раньше называлась КГБ, а теперь переименована в КНБ. Вся разница в одном слове. Раньше это был Комитет государственной безопасности. А теперь – национальной. Суть же работы – прежняя. Охранять существующую власть.

Место это в горах – тренировочный лагерь собственного казахстанского спецподразделения под названием «Арыстан», что в переводе на русский значит «Лев».

Во вновь созданных государствах любят такие красивые, символические названия. Если в империи все было проще – группа «А», группа «Вымпел», то нынче – «Беркут», «Сокол», «Лев». И ничего, что в стране не водятся такие хищники. Зато звучно и красиво.

Сегодня у них по программе сложнейшее упражнение. Стрельба. Но не по мишеням.

Майор после завтрака построил свою группу на стрельбище. И начал инструктаж. Он знает биографии этих людей. Все боевые офицеры. Многие из них, как и он сам, бывали и на настоящей войне, в горячих точках. Но сегодня им предстоит делать нечто особенное. И он стал объяснять специфику упражнения. Сначала достал из кобуры тяжеленький короткоствольный вороненый пистолет, положил его перед собою на походный столик. Затем рассказал о тактико-технических данных оружия, постепенно подводя рассказ собственно к упражнению:

– Обычно при пулевом попадании в бронежилет человек испытывает сильный болевой шок. И на некоторое время теряет контроль над собою, впадая в ступор. В обстановке скоротечного огневого контакта такая заминка может быть роковой. Поэтому наша задача сегодня – научиться правильно реагировать на такую ситуацию. Максимально быстро оценивать происшедшее и продолжать действовать... Проще говоря, вы должны даже после попадания в бронежилет продолжать вести бой без заминок и в том же темпе. Сейчас вы разобьетесь на пары. И приступим к выполнению упражнения. Первая пара – Едигеев – Ескенбетов. Вторая – Ташиев – Аблаев. Третья – Абикенов – Ералиев. Четвертая...

Он расставил спецназовцев на нужную дистанцию. Показал – куда надо стрелять. И отдал команду.

Сначала тишина. Потом раздался одиночный выстрел. А вслед за ним – короткий вскрик. Майор увидел, как непроизвольно дергаются губы и лицо человека, которому в бронжилет попал кусок свинца.

У этого упражнения есть и еще одна важная цель. Убедить людей в абсолютной надежности бронезащиты. Чтобы чувствовали себя уверенно в любой ситуации.

Вслед за первым раздались новые хлопки. Еще и еще. Как говорится, пошла потеха. Кто-то споткнулся и упал после попадания. Другой отскочил, прижав руки к груди. Третий остался стоять скалой, не шевелясь, но по лицу видно, что он ощутил.

Отстрелялись. Начали разбор упражнения...

Указывая на типичные ошибки, майор Казаков одновременно наблюдал за тем, как за оградой лагеря готовилась к выходу в горы еще одна группа. Во главе ее был молодой, видно, только недавно прибывший с курсов повышения квалификации, старлей.

Да, когда-то, в восьмидесятых, он и сам уходил по горам от преследователей. Учился выживать в лесу, в снегу.

Как давно это было! И как недавно.

Тогда, в горах Алатау, он заигрался. И чуть не убил десантным ножом случайного туриста, набредшего на их бивуак. А потом был Афганистан, Чечня. И сколько с тех пор людей полегло...

В сердце привычно (как будто рогатиной ткнули) толкнулась картинка. Белокурая бестия, красивая деваха, лежащая в сухой траве. И голос старого казака: «Чего стоишь? Добей!»

Это его старая болячка. Замучила. Застряла занозой в сердце. Надо же, все забывается. И афганские моджахеды, и белодомовские сидельцы, и ичкерийские борцы за шариатское государство, а эта чертова баба так и осталась с ним. Продолжая мучить даже по ночам. Тогда он в горячечном бреде просыпается от этого кошмара. И лекарство у него одно.

Вот и сейчас майор отошел в сторону. Полез в боковой карман куртки, где покоится заветная фляжка из нержавейки. Открутил металлическую пробку на цепочке. И приложился к горлышку. Душистый пятизвездочный коньячок обжег гортань. Несколько хороших глотков. И сразу прибавилось сил. На душе тепло и радостно.

Теперь это у него уже не привычка, а потребность. Пьет он постоянно. Понемногу. Началось это тогда. С первой чеченской. Чтобы расслабиться, они все «принимали на грудь». Каждый день. А теперь уже сложился даже какой-то режим. Утром встал. Настроение поганое. Измотан. Измучен бессонницей. Не знаешь, что и делать. За завтраком, как говорится, принял кофейку с коньячком. И организм запускается в работу. Жизнь налаживается. К обеду опять чувствуешь, что начинаешь уставать. Особенно зимою, когда темно, снег, холод. Всегда найдутся товарищи, с которыми можно пропустить рюмочку-другую. И сразу бодрячком, руки в боки – пошел.

Ну а вечером, как говорится, сам бог велел. Святое дело. Поправить здоровьишко. Тем более, что и компания соответствующая имеется. Женская компания.

Когда он убывал из России, Дубравин попросил его навестить в Алма-Ате однокурсницу Несвеллю Шакеро-ву, которая в его бытность «студиозом» была ему другом и ангелом-хранителем. Он навестил. Да так и остался ночевать.

И так уж повелось у них, что вечерние посиделки у красавицы казашки с тонким профилем Нефертити и гибким, смуглым телом стали постоянным его занятием.

Встречался он иногда и с Амантаем. Тот теперь большая шишка. Вице-премьер правительства. Но друзей старых привечает. И даже в чем-то помогает. Не так давно свел его с нужным человеком. Рахатом Кулиевым. Зятем самого «папы» и по совместительству заместителем председателя Комитета национальной безопасности. Но только Казаков этим знакомством не воспользовался. Что он может просить? Чин? Должность? Майора устраивает

и его нынешнее положение. И то дело, которым он занимается. А в политику ему не надо. Он досыта нахлебался ею в России.

Были, правда, попытки втянуть его в это грязное дело. Дома, в Жемчужном, куда он заезжал на побывку, приходили такие чудные ребята из прорусской национальной организации «Лад». Пытались вести с ним предательские разговорчики о том, что русских в Казахстане притесняют и в связи с этим надо им отделяться и переходить под протекторат России. Приносили литературу в виде самодельного журнала «Русский обозреватель». В этом «Обозревателе» много чего было написано. Но его это не задело, не зацепило. А почему? Да потому, что он знает: положение русских в самой России не намного лучше, чем в новых государствах. И пока в Московии у власти так называемые либералы, оно нисколько не изменится.

Ну а в Казахстане все ясно. Здесь строят национальное государство. И власть здесь в руках коренных. Значит, надо налаживать отношения с этой элитой. Тем более, что народ здешний совсем не глупый. И если вначале на волне национальной истерии повыгоняли из органов всех русских, то теперь сообразили, что без специалистов – никуда. И начали возвращать. Правда, в основном на технические должности.

Но Казакова и это устраивает.

Так вот и прижился он на своей новой старой родине. Не заморачиваясь. И старательно выполняя свои служебные обязанности.

Хотя прошлое нет-нет да и напоминало о себе. Недавно был в Алма-Ате. И оказался рядом со зданием, где находилось их республиканское управление. Там, судя по вывескам, теперь базируются вполне себе гражданские организации – частная картинная галерея и еще что-то. Захотел посетить родные пенаты. Но когда он попытался было туда зайти, его не пустили. Вышел такой дядечка в штатском. И заявил, что галерея закрыта на смену экспозиции. Казаков, конечно, сообразил, что нет там никаких картин. А под прикрытием располагается какой-то технический центр или узел секретной связи. Его бывшие, да и нынешние сослуживцы свое гнездо просто так не отдадут. Они теперь все выросли в чинах, набрали силу. И по-хозяйски распоряжаются советским наследством.

Кажется, его подопечные в основном освоили сегодня то, что от них требуется. Можно и передохнуть. Инструктор объявил перекур, а сам привычно достал теплую от тела стальную фляжку. Встряхнул содержимое. Проверил – сколько осталось. И аккуратно вытер губы после пары глотков.

Так вот и живет. Не замечая, что живет за счет резервных сил организма. На подсосе...

VI

Погода сегодня преподнесла сюрприз. Синоптики обещали солнце и мороз. А уже с утра задул такой свирепый восточный ветер, что поднятый из степи снег через пару часов начал заметать дорогу в аэропорт. Хорошо, что его могучий черный полноприводный «сабурбан», с легкостью разметывая большими колесами сугробчики и языки снега на трассе, вовремя доставил их к месту старта. И теперь Амантай Турекулович сидел вместе с дядей Маратом в уютном зале для особо важных пассажиров, пил душистый китайский чай и разговаривал, то и дело поглядывая через стеклянную стену аэропорта Астаны в сторону взлетной полосы.

А там бушевала пурга. Снег под действием ветра, словно живое существо, волнами перемещался по полю. Снегоуборочные машины, выстроившись в колонну, светя фарами и огнями, раз за разом двигались по полосе, сталкивая снежные валы обратно. На белом ковре, там и тут, словно замерзшие левиафаны, стали без движения присыпанные самолеты. То ли настоящие, то ли призрачные.

Дядя Марат, маленький, сухой, но по манерам – властный и непростой дедушка сидел в черной дубленке и большом вязаном шарфе, попивая остывший кофе и периодически доставая племянника разными вопросами о современной жизни казахской элиты. Мишенью для его язвительных замечаний и подколов стала новая столица республики Астана – бывший Целиноград.

Зябко поводя худыми плечами под замшей, бывший заведующий организационным отделом ЦК, слегка усмехаясь тонкими бескровными губами, говорил о депутатах:

– Они как бараны! Назарбаев прислал в Мажилис проект закона о переносе столицы в Целиноград. Что они сказали? Вместо твердого «нет», начали блять: «Сегодня у него день рождения. Давайте порадуем нашего президента. Проголосуем за этот законопроект. Не будем расстраивать его в такой день! Ведь это же явная глупость. Он побалуется и забудет об этой затее. И все останется, как было». Да, останется! Держите его за руки!

Амантай поежился в кресле. Дядя на пенсии. Уважаемый аксакал. Ему можно говорить все. Тем более, что он раздражен и уязвлен. Приехал на прием к Самому. А ему дали от ворот поворот.

Много их поперву приезжало сюда, старых представителей советской номенклатуры. Они и в Алма-Ате осаждали президента каждый божий день. Все хотели дать ему советы, как надо управлять независимой страной.

Может, это тоже стало одной из причин переноса столицы в эти бескрайние, холодные степи?

Все сегодня гадали на эту тему. Что двигало президентом? Очередная причуда? Каприз? Желание прославиться в веках? Сделать, как Петр I в России?

Туман. Полный туман. Сплошной туман.

И теперь они все были вынуждены мотаться и метаться между Алма-Атой и Астаной (Амантай по привычке называет Алма-Ату в русской транскрипции. Как привык. А не так, как решено нынешними учеными мужами).

Возник новый миграционный поток. Пять дней в неделю чиновный люд живет и действует в новой столице. В городе, который раньше назывался Целиноградом, а еще раньше Акмолинском, Ак-Молой. В переводе – «белой могилой». А на выходные все возвращаются к «отцу яблوك», то есть в Алма-Ату. И это понятно. Разве мог бы свободный человек поселиться в таком месте? Летом жара. Под сорок. Зимой мороз. Под пятьдесят. И самое главное – постоянные степные ветра, которые зимой дуют с такой силой, что сбивают человека с ног. Земля суровая, бесплодная. Жизнь тяжелая.

Сюда, на берег болотистой речки Ишим, всегда ссылали за тяжкие грехи. Царь – революционеров. Сталин – врагов народа. Точнее, не «врагов народа», а их жен. Лагерь так и назывался – «Алжир», что расшифровывалось как «Акмолинский лагерь жен изменников Родины».

Ну а когда великий вождь и отец всех народов почил навеки, то лагеря расформировали. Остались только воспоминания и островки зеленых оазисов в бескрайней степи. Сам Амантай Турекулович помнит, как после университета их направили на военные сборы в эти края. И тут, рядом с их палаточным городком, посреди дикой природы, они как-то обнаружили длинные аллеи из деревьев и кустарников. Знающие местные объяснили: это остатки «Алжира». Бараки и вышки-то сожгли, а деревья остались.

И вот Назарбаев решил строить столицу нового Казахстана в этих гиблых местах. Город переименовали в Астану, что значит в переводе «столица», и начали отстраивать. Почти с нуля. Потому как расселить все многочисленные министерства и ведомства в имевшемся административном здании бывшего обкома партии было невозможно.

А агай Марат все не унимался. Критиковал новую столицу:

– Гостиницы тут вообще никудышные. Сегодня ночью я проснулся от запаха дыма в номере. Потому, что с утра затопили печь, а дымоход прохудился. И дым стал проникать в незамазанную щель. Вот такой тут сервис, племянник. Как тут можно работать?

– Агай, сейчас уже начали строить новые большие гостиницы, – словно оправдываясь, ответил Амантай, поглаживая стриженный затылок. – Президент распорядился и коттеджи строить для чиновников. Вы видели, вдоль дороги стоят?

– В этом коттедже, когда задует такая вот пурга, и дверь-то не откроешь наружу, – парировал дядя Марат. – Смотри, как метет. И стена дрожит.

Амантай промолчал. Чего спорить-то. И так все понятно. Мысли текли в привычном русле. Вот он уже вице-премьер правительства. Высоко поднялся. А счастья нет. Вроде все нормально. Дети подросли. Жена пошла работать. А ему все чего-то не хватает.

– Наверное, он боится китайской угрозы, – продолжал излагать свои догадки о переносе столицы дядя. А то Алма-Ата находится недалеко от границы. Точно. Ведь мы, казахи, всегда боялись этого восточного соседа...

Амантай усмехнулся про себя. Он-то знает, что не китайцев боится президент. А своих. И страх этот зародился в декабре 1986 года, когда на площадь вышла молодежь. И хотя впоследствии в книгах «папа» писал, что он приветствовал то выступление, на самом деле все не так. И, по-видимому, уже тогда он понял, что столица для него чужая. В этом большом городе в любую минуту люди могут оказаться перед дворцом. И именно страх заставил его отгородиться от них тысячами километров бескрайней холодной степи.

Амантай вспомнил тот декабрь: «Да, демонстранты и двадцати минут не простояли бы здесь на площади. Живьем бы померзли на таком ветру. Превратились в ледышки».

К их столику то и дело подходили все новые и новые пассажиры, заполняющие этот элитный зал. Завидев его, почтительно здоровались. Подходили, слегка наклонившись и протянув обе руки вперед. Все, как всегда.

Дядя Марат, видно, от скуки, продолжал философствовать все на ту же тему:

– А может, он хочет разбавить, смешать население страны? Ведь не секрет, что русские и другие некоренные живут в основном на севере республики. И близость к России, а также некоторая доля сепаратизма могут привести к тому, что они, например, захотят отделиться. И уйти в Россию? Может, поэтому он хочет, чтобы сюда, в центр страны, перебралось как можно больше народа с юга и возник этнический баланс?..

Вице-премьера уже начало раздражать это стариковское брюзжание: «Вот привычка. Уже вроде на пенсии. Сидел бы дома. Нянчился с внуками. Розка, дочка его, уже сколько нарожала! Ан нет. Все-то ему надо знать. Привычка политиканствовать осталась с ним

навсегда. Старики не хотят уходить молча». Амантай вспомнил покойного отца. Похороны. И на минуту выпал из реальности. К жизни его вернул милый девичий голосок. Красивая молоденькая русская официантка собрала со столика использованную посуду. И, почти-тельно склонившись, спрашивала:

– Амантай Турекулович, не хотите ли еще чашечку кофе?

Он одним взглядом охватил ее – полные белые ноги в колготках, коротенький передничек, большая волнительная грудь, милое круглое личико. Стоящий экземпляр. Но, вздохнув, отказался:

– Нет! Спасибо!

Официантка ушла. А мысли за нею: «Здесь очень много красивых молодых русских местных женщин. Из семей кержаков, которые ехали сюда еще с первой волной столыпинских переселенцев перед Первой мировой войной. Менталитет и нравы у них простые и строгие. До свадьбы – ни-ни». Одна такая, за которой он слегка приударил, объяснила ему точку зрения местного женского населения на свободную любовь. Было это после ресторана, когда он пригласил ее «в номера»: «Не дам! Женись! И тогда хоть ложкой ешь! А сейчас не дам!»

А ведь это тоже большая проблема. У большинства жены и дети остались в Алма-Ате. В насиженных гнездах. А здесь острая нехватка женщин. Демографический перекос. В итоге из разных мест Казахстана девчонки и молодухи устремились в новую столицу. В надежде подцепить жениха.

В общем, голова кругом идет. А из-за чего? Из-за того, что «ноль первый» захотел построить себе пирамиду?

А дядя Марат, словно уловив телепатически его мысль, вслух рассуждал:

– Наши советские вожди тоже любили оставлять после себя памятники. Увековечивать себя. Хрущев худо-бедно заслужил звание покорителя целины. А Кунаев? Ведь он тоже строил, холил и лелеял Алма-Ату. И построил. Он тоже хочет себя увековечить. Только вот получится ли? – задумчиво заканчивает он.

Под крышей аэропорта, откуда-то сверху раздался призывный голос аэрофлотовской сирены:

– Начинается регистрация на рейс номер двадцать восемь тридцать шесть Астана – Алма-Ата. Пассажиры просят пройти...

Многочисленные круглолицые чиновники администрации президента, похожие в своих коричневых дубленках и норковых шапках как близнецы-братья, оживились, зашевелились. И устремились к выходу.

Амантай и дядя Марат остались одни в почти пустом VIP-зале. Ему не надо спешить. Сейчас придет дежурная, заберет билеты, сходит и сама все сделает. А потом через отдельный ход они подойдут к отдельному автобусу. Положение обязывает. Хоть и закончилась эпоха советской номенклатуры, но сама номенклатура осталась.

VII

Дело, которому он посвятил себя, постепенно ширилось и росло. И коллектив подобрался хороший. Журналисты и дизайнеры, рекламщики и распространители – все сплошь молодые, живые, энергичные люди. Одна проблема – теснота в офисе, который располагался в районе частных домов.

Собственно, это и не настоящий офис, а просто двухэтажный жилой дом, в котором людей, как в бочке сельдей.

Но это все временно. У него в сейфе уже лежит «зеленка» – свидетельство о государственной регистрации на недвижимость – на отличное четырехэтажное административное здание, приобретенное издательским домом «Слово» у авторемонтного завода. И Дубравин, разглядывая план нового офиса, прикидывал, как бы ему разместиться со своей свитой.

За этим занятием его и застал директор «Слова» Сергей Чернозёмов. Он зашел в закуток, где пристроился «хозяин», и сразу в этой малюсенькой комнатке под крышей им двоим стало тесно. Сергей, здоровенный, под два метра, атлетически сложенный черноволосый и черноглазый тридцатилетний мужик, присел на краешек стула напротив шефа и стал торопливо говорить:

– Александр Алексеевич! Понимаете, какое дело! Я вчера ходил в наш новый офис к арендатору, который сидит в нашем здании, чтобы договориться с ним о выезде. Ну, сказал ему, что мы, мол, купили здание у завода...

– А кто там сидит? – уточнил Дубравин.

– Там размещается начальник областной гражданской обороны генерал Кутрияков со своим штабом.

Дубравин присвистнул:

– Ну и что?!

– А он мне выдал в ответ: «Никуда мы выезжать не будем!»

– Это как?

– Я ему показал документы. Купчую, бумагу о регистрации сделки, копию «зеленки».

– А он? – Дубравин уже начал терять терпение и злиться на мнущегося директора.

– А он заявил: «Мы здесь власть! Законы писаны для вас. А мы что хотим, то и делаем!»

– Они что, совсем охренели?! – Дубравин даже слегка очумел от такого разговора. – Мы же это здание купили. Деньги заплатили заводу. И немалые деньги.

Вечером он сидел у себя на квартирке и размышлял над услышанным. И никак, ну никак это не укладывалось у него в голове. Какой-то штатский генерал от гражданской обороны. Тыловая, разжиревшая на казенных харчах крыса ставит себя выше закона, порядка и вообще здравого смысла. Ему, человеку, прибывшему из центра, прошедшему непростой путь, невдомек, что российская провинция отстала от Москвы навсегда. Менталитет, порядки здесь сохранились еще те, советско-феодалные. И «красный пояс» – это не красивая лингвистическая метафора, а реальность, в которой живут миллионы людей. А власть, которая якобы должна продвигать в жизнь реформы, сама нуждается в реформировании и смене поколений.

«Что ж здесь за нравы такие?» – думал он, разглядывая по телевизору местные новости, в которых новый, недавно избранный губернатор вещал о своей программе подъема сельского хозяйства области.

Дубравин знал, что область эта была славна еще недавно своими заводами. Теперь ничего этого нет и в помине. Когда искал офис, посетил несколько таких знаменитых в прошлом производств. Был он на бывшем станкостроительном заводе, который поставлял уникальные механизмы в сорок стран мира. На погибшем экскаваторном был. Шинном. Теле-

визионном. Везде его встречали разруха и запустение. Особенно поразили руины молочного комбината.

«Как же так, – думал он. – Ладно, может, экскаваторы или самолеты наши неконкурентоспособны, не того качества, не той цены. Но ведь кефир и молоко нужны всегда и всем. Каждый день. Так почему же стоят в рядок эти ржавые автомобили-молоковозы со спущенными шинами?! Как они-то могли не вписаться в рыночную экономику?»

Много таких вопросов задавал он себе по ходу поисков. И никак не мог понять. Почему? Кто? Каким образом? Без войны, стихийных бедствий довел страну до такой вот разрухи? Вроде все старались во благо. И говорили о хорошем. Свободе, развитии, инновациях. А результат налицо. И теперь на руинах поднялись вот такие вот князьки, которым ни закон, ни порядок не писаны.

Дубравин впервые столкнулся с такой невероятной наглостью и хамством. Поэтому в первую очередь решил заручиться поддержкой и советом бывшего хозяина, продавшего им здание. Директора авторемонтного завода. Может, он чем-то сможет помочь в борьбе со своим арендатором.

* * *

Старинный серый, квадратный «вольво», давно утративший свой лоск, остановился у зеленых обшарпанных металлических ворот авторемонтного завода. Они зашли на проходную за пропуском. И очутились в помещении с неперенными атрибутами такого рода предприятий. Железными вертушками, калитками, окошками, где выписываются бумажки-пропуска. И строгими бабусями-вахтершами в зеленой униформе.

Через пару минут, судя по всему, потраченных на звонки с проходной, они проникли на территорию завода. И, надо сказать, на довольно обширную территорию.

«Это надо же иметь такой огромный кусок земли прямо в городе, – оценил наметанным глазом Дубравин. – В столице уже давным-давно его бы застроили торговыми центрами и жилыми домами. А тут еще, как говорится, и конь не валялся. Все сохранилось в первозданном виде. Зеленые дорожки, питьевые фонтанчики, беседки для перекуров, бюст Владимира Ильича посреди заводского сквера».

Дубравин привык, что у него в приемной всегда есть люди. И очень удивился тому, что кроме пожилой некрасивой секретарши, одетой в длинную помятую юбку, здесь никого не было. Она позвонила шефу. А затем провела их в директорский кабинет, обставленный в советском стиле. Просто, дешево и сердито. Столы, стулья, кресла, портреты президента и премьер-министра, пыльные бумаги. Ни ковров, ни красивой мебели, ни дорогостоящей электронной техники.

Директор встретил их радушно. Это был высокий сидящий мужчина с нездоровым цветом лица и набрякшими «мешками» под глазами.

«Явные проблемы с почками», – подумал Дубравин. Директор рассадил своих гостей в неудобные кресла. Достал откуда-то из сейфа три пузатеньких наперстка и грушевидную бутылку коньяка. Капнул в рюмки коричневую жидкость.

В кабинете сразу пахло терпким напитком.

Дубравин взял рюмочку. А Чернозёмов, сославшись на «за рулем», отказался. Обошелся минералкой.

Чокнулись. Выпили за знакомство. И Дубравин рассказал Ивану Петровичу Савостьянову случившуюся историю.

Старый «боец за собственность» внимательно оглядел своих молодых партнеров и начал рассказывать историю того, в какой борьбе ему довелось поучаствовать, когда про-

исходила приватизация этого и других предприятий. Сколько наездов он пережил, в каких передрыгах побывал.

Дубравину рассказывали, что Савостьянов в свое время, когда фабрики и заводы начали загибаться, был назначен внешним управляющим нескольких таких предприятий-банкротов. Он собрал, скупил акции дышащего на ладан производства. И запустил в работу, став, таким образом, владельцем крупного актива. Но Александр не представлял себе, насколько ожесточенной, беспощадной была борьба.

– Последний раз они пытались сбить мою машину с дороги КАМазом! – вдохновенно рассказывал директор. – А у вас все проще. Все друг друга здесь знают. Позвонил Иван Петрович Петру Ивановичу: «Милай, тут заезжие москвичи меня обижают. Помогите. Ты – мне. Я – тебе». Вот так все и решается.

Так что из рассказа директора как бы опосредованно вытекало: «Боритесь, бейтесь! За свое».

Наконец после третьего наперстка они услышали то, зачем сюда, собственно говоря, и пришли.

– Я вас, ребята, поддержу против этого козла. Тем более, что этот деятель уже три года не платит ни за аренду, ни за коммунальные услуги, ни за свет.

Ободренные его обещанием, отправились восвояси.

По дороге Дубравин заметил Чернозёмову:

– А Савостьянов крепкий мужик. И не боится.

– Да, у него мощная поддержка есть. Брат в соседней области начальник. Генерал.

«Видно, здесь всё так. Все повязаны. Все друг про друга всё знают. Кто к какому клану принадлежит. Кто с кем дружит. Кто кого любит. Какие счета. Это надо учитывать. Провинция. Впрочем, будем двигаться. Нам отступать некуда. Нужен сильный ход. А силу чувствуют по наглости. Подаем иск в суд. О принудительном выселении генерала».

* * *

При наезде в Москву Дубравин, по совету старого юриста Розенцвейга, направил свои стопы в знаменитую адвокатскую контору имени Генриха Бадва. Располагалась она в центре столицы, в полуподвале красивого старинного бело-розового здания.

Он покрутился вокруг несколько минут, пока нашел вход. Спустился на несколько ступенек вниз. Позвонил в домофон, прикрепленный к красивой дубовой двери с бронзовой начищенной ручкой.

Ему открыли. И он оказался в хорошо отделанном небольшом холле. С красивой мебелью, кожаными черными диванами, удобными полулежачими креслами и цветами. Ему навстречу из боковой двери выплыла красивая и пышнотелая черноволосая девушка с округлым овалом лица и небольшой симпатичной горбинкой на носу. Взгляд ее черных глаз с поволокою остановился на мощной фигуре Дубравина. И прекрасная дочь из-раилева спросила:

– Вы к кому?

– Я вам вчера звонил! Мне нужен господин Бадва! – в простоте душевной заявил он, думая, что если контора носит знаменитое имя, то соответственно сам хозяин и занимается с клиентами. Конечно, он ошибался. Старенький Бадва уже давным-давно служил лицом, брендом. А работали с клиентами совсем другие люди.

– Генриха Константиновича нет. Вашим делом он поручил заняться мне. Меня зовут Ирина Хмельницкая, – и она протянула ему свою надушенную пряными духами визитку.

Пришлось излагать свое дело ей. Оказалось, женщина она толковая. Во все вникла. И через неделю вчинила генералу такой шикарный иск, что прямо пальчики оближешь. Всего за две тысячи долларов гонорара.

И вот час икс. Областной арбитраж начал рассматривать иск «Слова» к областному управлению по чрезвычайным ситуациям.

Дубравин, уверенный в правоте своего дела, спокойно сидел у себя на месте, когда к нему залетел взъерошенный и возбужденный юрист издательского дома. Закипая, как самовар, юрист – такой упертый, верящий в первенство закона товарищ, доложил начальству обстановку на фронте:

– Блин, судья даже не стала вникать в наш иск. Зря вы такие деньги потратили.

Дубравин опешил.

– По ходу заседания сразу стало видно, что судью вообще не интересуют никакие доводы. У нее такой вид, как у того кота из мультфильма. Помните, он все говорил попугаю: «Что ты нам все рассказываешь – Таити, Таити... Нас и здесь неплохо кормят!» В общем, зря она так старалась, рылась в статьях, искала прецеденты, приводила доводы. Нашим судьям это неинтересно. Видно, им уже дали указания.

* * *

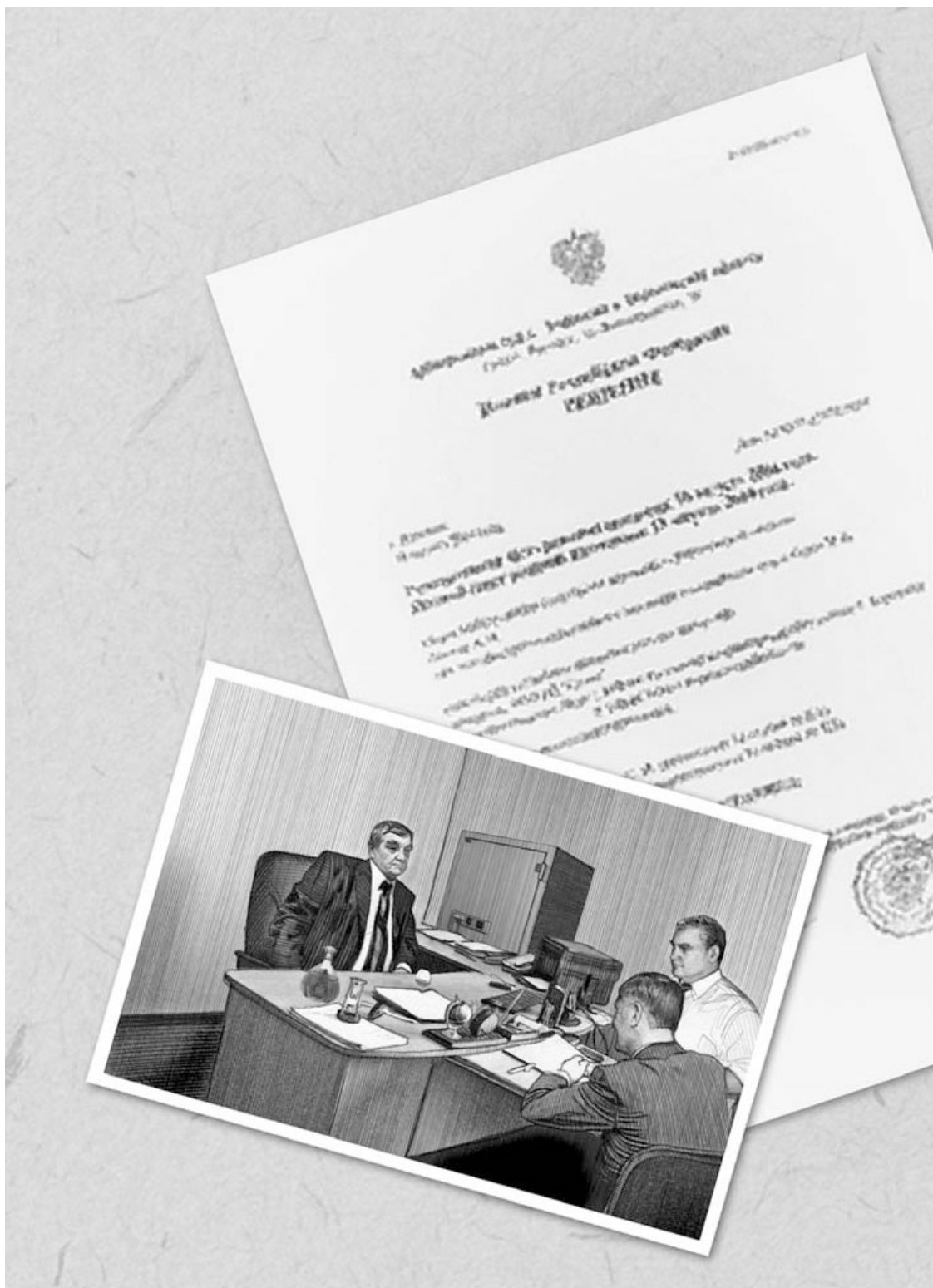
Прошла неделя, другая... И каково же было потрясение всех участников концессии, когда они получили решение суда. В иске им было отказано. На основании того, что еще до того, как они купили это здание, его «хотела приобрести областная администрация». И не только хотела. Но и якобы приобрела. Только договор, по которому она это сделала, потерялся на почте. Это было настолько нелепо, нагло и бесовестно, что Дубравин даже на некоторое время потерял дар речи.

Эта гнусная бумажка, подписанная некоей судьей А. Н. Лакиной, показывала еще одно обстоятельство. За мерзавца в генеральском мундире вступилась областная администрация. И если раньше в России царил бандитский беспредел, то теперь они столкнулись с беспределом чиновничьим, который был намного круче.

Через пару дней суровый человек с густым ежиком волос и скрипучим въедливым голосом, юрист издательского дома, принес еще одну весть:

– Областная администрация подала иск в суд. О признании нашей сделки о купле-продаже здания недействительной.

Это означало, что их решили еще и ограбить, обобрать до нитки.

«Дас ист фанташиш! – думал Дубравин, разглядывая очередное решение суда. – Куда я попал? Где мои вещи?!»

Но унывать и рыдать, выдирая волосы на голове, ему некогда! Надо что-то делать!

После короткого совещания со своими сподвижниками Дубравин решил отправиться в областную администрацию к человеку, занимающемуся возникшей проблемой.

Алексей Хитроев, заместитель губернатора, ведающий вопросами областного имущества, оказался, на удивление Дубравина, молодым длинным парнем с круглым и курносым

лицом, на котором застыло выражение некоторой наивности и интеллигентности. Они встретились. Но почему-то не в здании администрации, а на нейтральной территории. Разговор получился какой-то странный. Естественно, Дубравина интересовало, собирается ли областная власть выполнять законы и отдавать «Слову» его имущество.

Но Хитроев сразу заявил, что он не уполномочен решать этот вопрос.

«Тогда какого хрена мы встречаемся здесь?» – подумал Александр.

Но длинный Леша развеял его сомнения самым простым и эффективным образом:

– У меня есть время на телевидении. Я делаю местную новостную вставку. Как бы нам слить вместе ваш издательский дом и мою медийную команду? Чтобы совместно вести дела.

Дубравин, который уже достаточно давно работал в медиаиндустрии, прекрасно понял этот тонкий намек на толстые обстоятельства: «У него в аренде есть время на телеканале, то есть практически ничего, а у меня производство десятков газет. Получается, он, обнаружив наше трудное положение, хочет воспользоваться им и получить долю в издательстве “Слово”. Просто так. За красивые глаза. Интересно». И в ответ спросил:

– Ну, при таком слиянии мне придется уступить какие-то проценты. И на сколько вы рассчитываете?

– Может быть, на пятнадцать – двадцать, – не моргнув глазом, ответил длинный Леша.

«Однако, аппетиты у этих ребят! Им палец в рот не клади!» – подумал Дубравин и ответил просто:

– Это вряд ли возможно. Мы занимаемся газетами и телевидение нам, по большому счету, ни к чему.

На том и расстались.

Ну а судебное дело тем временем шло своим порядком. И как ни странно это выглядело, вышестоящая инстанция, не моргнув глазом, подтвердила решение нижестоящей.

VIII

Что-то пошло не так, как мечталось. Розовая иллюзия о сафари-парке для братьев наших меньших начала таять на глазах. Реальная жизнь с ее так называемой рыночной экономикой диктует свои законы. И в ней нет места для сентиментальных мечтаний о единении людей и зверей в духе любви и гармонии. Шурка Дубравин, с которым они изредка виделись, как-то даже пошутил над переживаниями Володьки Озерова:

– У тебя получается, как у Козлевича с его «Антилопой-Гну». Тот тоже мечтал катать добропорядочных мещан с детишками, а в итоге по ночам возил голых «упырей».

Ему, может, и смешно. А Володьке грустно и больно видеть свою погибающую мечту о зверином рае.

Сначала вроде бы все было «на мази». Приезжала экскурсия к соседям в заповедник, в музей, на бобровую ферму, а Володька уже поджидал их автобус на площадке. Не желаете ли, товарищи-граждане, побывать, мол, еще и в сафари-парке? Он тут, рядом находится. Народ и рад. На халяву почему бы не порадовать себя и близких. Приезжали. Ходили, смотрели, кивали головами, цокали языками. Ух ты! Как славно все устроено!

Так он заманил несколько автобусов с экскурсантами. Проехался по школам. Договорился с директорами. В общем и целом, как и мнилось ему, дело пошло на лад. Стали даже отдельные высококультурные жители губернии навещаться.

Аксёнтов, тот прямо расцвел. Зауважал товарища за удачную идею. Но когда они начали продавать билеты за деньги, тут-то и обнаружилось, что лицезреть лес и зверюшек за свои кровные охотников нет. Это там, на гнилом Западе, вошло в моду разглядывать птичек в бинокли, фотографировать зайчиков и лисичек. Нам давай чего-нибудь попроще, материальней, что ли.

А людям и зверям тоже надо кормиться.

В общем, потыркались они, помыкались. И решили специализироваться на богатых охотниках.

Таковые не замедлили явиться. Под вечерок, глядишь, подкатывает к воротам парочка больших черных джипов. А в них такие крутые ребята, такие широко известные в узких кругах люди, что только диву даешься... Ну, соответственно, их встречают и размещают по высшему разряду. И обеспечивают полным набором услуг. От шикарной выпивки и закуски из кабанятинки и лосятинки до «двуногой дичи» из города.

Первый раз бедный Володька ужаснулся, когда заезжие охотники спьяну начали палить во все, что движется, скачет, летает по их парку. Тут, как говорится, дело мастера боится. Зверья покалечили много.

А вот Аксёнтов, как все посчитал, то от радости аж запел. Клиенты этот чудовищный счет оплатили. Хозяева подранков добили, туши разделали, гостей проводили.

И конвейер наконец заработал.

В общем, жизнь распорядилась по-своему. Не так, как мечталось. Но тоже неплохо. И через несколько месяцев никто уже и не вспоминал о школьных экскурсиях в их «зоопарк». Все сосредоточилось на добывании денег.

Процесс наладился. Своих животных стало не хватать. Да и клиенты частенько просили чего-нибудь новенького. Какого-то звериного разнообразия. Так что пошла у Володьки Озерова жизнь командировочная. То на Кавказ летит за турами, то на Дальний Восток за оленями, то в Среднюю Азию за муфлонами. Это как пожелают богатенькие буратины.

Только позавчера Озеров в очередной раз вернулся из командировки – привез на скотовозе целое стадо буйволов. Красавцы все, как на подбор. Выпустили их в загородку. А уже

завтра должны приехать гости из Москвы. Привезет их сам хозяин – Владимир Федорович Чикунов. То-то будет потеха.

Аксёнтов ликовал. Уж теперь-то касса наполнится. Хозяин предупредил, что гости его дорогие. Охочи не только до свежей дичинки, но любят и «клубничку».

С утра он сидел на телефоне, обзванивал «агентства». Чтобы назавтра подготовили свой лучший «товар». Так сказать, не ударили в грязь лицом.

Володька повертелся в конторе. Сдал финансовый отчет бухгалтеру. И вышел на крылечко, где томились в ожидании егеря. Постоял какое-то время с ними. Перекинулся парой фраз. И как-то так, само собою, невзначай и в сердцах высказался о наболевшем:

– Блин, хотели построить сафари-парк, а получилась настоящая бойня!

Но егеря как-то не поддержали этот разговор. Вяло так, потупившись глазами, забормотали что-то насчет того, что деньги, мол, платят. Так что же еще надо? А то вон в деревнях все уже который год без работы сидят.

Только седобородый огромный Митрич, похожий на дядю Ерошку из «Кзаков», крикнул:

– Да-а-а! – и почесал лопатообразной рукой всклокоченный загривок под фирменной зеленой кепкой.

IX

Сегодня у нее несколько встреч. И все важные. Первая в отеле «Националь». Недалеко от Кремля. Клиента зовут Ашотом Аршаковичем. Фамилия Аскандирян.

Кто он? Посредник? Лоббист? Доверенное лицо? Кто его знает!

Ее серый «вольво» с водителем медленно полз в пробке на Тверской в крайнем правом ряду. Припарковаться мешали брошенные на обочине машины. Так что ей пришлось десантироваться почти на ходу.

Водитель Леша притормозил на несколько секунд. И она выскочила на заснеженный тротуар.

Захрустел под лакированными сапожками снежок. По ступенькам, покрытым красной дорожкой, напрямик к стеклянной двери, за которой маячил фирменный швейцар в ливрее. Главное тут – не стесняться. Все мы вышли из советского прошлого. Привыкли к тому, что швейцар – фигура сакральная. Может преградить путь. Не пустить. Но сейчас другие времена. И швейцар, почтительно поклонившись ее шубке из шиншиллы, открыл дверь. Ведь для того он и существует, чтобы открывать ее перед гостями.

Она проскочила мимо. И вгляделась близорукими глазами в глубину холла, заставленного роскошной мебелью. Через секунду увидела самого Ашота Аршаковича, идущего ей навстречу с протянутыми волосатыми руками и сияющими улыбкой и лысиной.

– Бонжур! Тужур! Сис жур!

Они устроились за столиком в необъятных креслах, чтобы спокойно поговорить. Незаметно из-за стойки бара появился черно-белый официант. Тихо подошел к ним. Предложил церемонно:

– Чай? Кофе? Господа! Вот наше меню.

Аскандирян заказал себе капучино. Она, с мороза, чай с яблочным штруделем.

Разговор изначально шел о том о сем. О погоде, о природе, о газете и ее возможностях.

– Мы можем разместить вашу статью как в полном тираже, на всю страну, так и в его части, – Галина ввела в курс дела потенциального клиента. – В том числе отдельно на Москву и столичную область.

– И сколько это будет стоить? – сразу взял быка за рога опытный лоббист, поглядывая на ее тоненькую фигурку с некоторой долей интереса и любопытства.

– А это будет зависеть от многих составляющих. От тиража, скидок, формы оплаты. По счету или наличными. А также от того, о чем будет эта статья.

Аскандирян поерзал в широком кресле, на секунду призадумался, а потом затараторил:

– Мы оплатим это наличными. Но, скажем, в договоре пропишем одну сумму, а на самом деле уйдет совсем другая. Так можно?

Она понимающе молча кивнула. Знакомая схема. Посредник хочет получить свой откат с заказа.

– Статья будет острая, критикующая определенных высокопоставленных лиц. А можно, например, ее поставить так, чтобы видно было, как будто она не коммерческая, а редакционная? Без этих ваших значков «на правах рекламы»?

– Тогда мы применим коэффициент, – заметила она. – За риск. Газета ведь тоже рискует. Могут подать в суд. Оштрафовать. Попытаться включить административный ресурс.

Она говорила, а сама в это время обдумывала: «Жаль. Если бы он кого-нибудь хвалил, можно было бы обойтись и без договора вообще. Взять деньги черным налом. Отдать ему откат. Процентов десять оставить себе. Так сказать, клиентские. Ну а остальные сдать во вторую кассу бухгалтеру. И все были бы довольны. А тут придется все-таки оформлять договор. Жаль. А сумма немаленькая».

Официант принес кофе, чай и ее любимый свежий венский штрудель. Пока он расставлял посуду на столике, обе высокие договаривающиеся стороны молчали. Когда «черно-белый» отошел, она, видя, как переживает клиент, сказала вслух:

– Коэффициент будет не очень большой. Я думаю, мы договоримся.

Попав в этот мир политиков и толстосумов, она ни одной минуты не задумывалась о том, хороши или нет те правила, по которым им всем приходится жить и действовать. «Не нами придумано, не нам и менять», – сразу установила она для себя. В этом ее правда, правда женщины, решившей выжить любой ценой. Это мужики пусть выпендриваются и не поступаются принципами. А она будет подстраиваться и использовать сложившуюся ситуацию. Так что, если не кочевряжиться, то всегда можно договориться. Особенно сейчас, когда идет очередная, которая по счету, предвыборная кампания. Партии возникают. Платят. Поливают друг друга грязью. Потом исчезают в тумане. А газеты остаются. И им нужны деньги на зарплату, премии, бумагу, печать.

Так что завтра они встретятся в укромном месте. Например, в ресторане «Якорь» на другом конце Тверской. Она, наверное, получит увесистый, завернутый в газету или в целлофан денежный «кирпич» (странно, почему-то у нас всегда носят деньги в хозяйственных сумках или полиэтиленовых пакетах). Отвезет его в редакцию, точнее, в дирекцию. И все завертится. Запляшет, заиграет.

* * *

Она выскользнула из отеля. И торопливо, похрустывая снегом под ногами, поспешила на стоянку, где ждал автомобиль.

Москву заметало. Машина уже была в белой шапке на крыше.

Но тронулись. У нее сегодня еще одна встреча. А потом еще одна. И попадет она домой поздно вечером, когда Георгий уже будет спать. А Влад досматривать свой футбол. Она быстро примет душ. И плюхнется на кровать. Но не заснет сразу. А еще долго будет ворочаться. Обдумывать то предложение, которое сделал ей вчера Кряков – исполнительный директор холдинга «Молодежной газеты».

Он предложил ей, да и всей их команде перейти на работу в конкурирующую фирму. Ей там светит очередное повышение.

Но это все надо будет хорошо обдумать. Хотя! Это Дубравина и тех первых с молодежкой связывало слишком многое. А они просто наемные менеджеры. Им уже все равно, на кого работать. Лишь бы платили побольше. Но все-таки надо еще подумать. Поторговаться, в конце концов. Она теперь дорого стоит.

Х

Ночью ему приснился сон. Будто он вернулся домой. Открыл дверь. И обнаружил, что в доме полно каких-то странных и одновременно страшных существ. То ли упырей, то ли вурдалаков. Но больше всего там ушастых отвратительномордых гоблинов. Начал он их бить, выгонять. Но никак не мог с ними справиться. Только одних разметет, тут же появляются другие.

В конце концов Дубравин проснулся. И долго лежал в ночи с открытыми глазами. Вспоминал сон. А потом начал молиться. Просить Господа Бога помочь в его непростом деле. Он мысленно говорил: «Люди привыкли, что здесь упыри и вурдалаки и есть власть. И они все решают. Но так быть не должно. Так мы ничего не построим».

Под утро пришла решимость.

Приехав на работу, он собрал свой штаб и произнес короткую речь:

– Вы видите, что законными, нормальными способами с местным правительством мы договориться не можем. Здесь признают только силу. Но даже люди, которые ничего не боятся, хотят, чтобы их уважали и любили. Поэтому им не нравится, когда их делишки выставляют на свет божий. Гласно рассказывают о них всем. Запомните. В любой борьбе побеждает не самый сильный, а тот, кто бьется до конца. Нам теперь терять нечего. Будем выносить нашу историю на страницы молодежи. С Протасовым я договорюсь. Здесь затронуты и их интересы. И пустим заметку через Москву. На всю Россию. Пусть народ любитесь на этот беспредел. Мы не такие беззубые, как они думают. Знаете, давайте уподобимся скунсам. Зверьки маленькие, но вонючие. Их все боятся – и волки, и шакалы.

На слабые возражения оробевших штабистов ответил:

– Вы просто еще молодые. И не понимаете, что такое сила слова.

Писать убойную заметку Дубравин поручил юристу, человеку по-хорошему упертому и въедливому.

Но когда он ее получил, понял, что, судя по всему, ему самому придется садиться за письменный стол и вспоминать профессию, из которой он вышел.

Пришлось покорпеть. Но зато в конце вышел хороший, жесткий текст под динамичным названием: «Жалует царь...»:

«Представьте себе. Решили вы улучшить свои жилищные условия. Скопили деньжонок непосильным трудом. Вышли на рынок. Купили квартиру. Оформили. И радостно едете вселяться.

Ан нет. В купленной вами квартире жилец. Нет, не хозяин. Жилец, который у него арендовал квартиру в прошлом году и денег не заплатил. Выезжать не хочет. Мне, говорит, тут нравится. Я на унитаз потратился. Буду здесь жить всегда...

Ну, вы, естественно, в суд. Суд должен приговорить жильца, который ни договора не имеет, ни денег не платит – выселить, а хозяина, то есть вас, вселить.

Но тут в дело вступает друг жильца. И говорит: вообще-то я тоже когда-то хотел эту квартиру купить. Поэтому отдайте ее мне. Без денег.

И тоже в суд подает...

И суд приговаривает – отобрать у вас квартиру и отдать ее другу жильца.

Потому, что он тоже хотел...

Вы считаете, так не бывает. И ошибаетесь. Бывает. Смотря кто жилец и кто его друг. Более того, эта история происходит сегодня на глазах у всей губернии. Только жилец здесь – Главное управление в лице генерала Кутриенко П. С., друг жильца – областная администрация в лице вице-губернатора Хитроева А. В., покупатель – издательский дом “Слово”.

Ну и суд, естественно, наш советский... Прошу прощения, теперь российский, в лице судьи Лакиной.

...Помню ситуацию начала девяностых годов. Сокращение чиновничьего аппарата, смурные лица столоначальников, страх за свою судьбу: “А вдруг придется идти работать?!” И вот прошло десять лет. Как согнанные с деревьев вороны, они, беспокойно каркая, полетали, полетали по стране и снова расселись по местам. Теперь уж в новой России. И если раньше они хоть чуть-чуть да боялись парткомов и райкомов партии, то теперь бояться стало нечего – грабь, бери взятки, воруй...

И пошло, и поехало. Один бизнесмен рассказал, как к нему “делать крышу” приходили. Нет, не бандиты. Функции бандитов взяла на себя родная милиция. Они теперь его за деньги будут “охранять”. Другой – как он с помощью ФСБ конкурентов укрощает. Третий – как его друг-гаишник “мерседес” купил. Это при зарплате две тысячи рублей...

С революцией начала девяностых годов у нас изменился общественный строй. Но вот беда. Люди у власти остались те же самые.

* * *

Первый снаряд улетел. Дубравин с интересом разглядывал вышедший номер со своей заметкой. Сколько лет он не писал? Много. Но получилось вроде неплохо. Будем ждать реакции. Администрация никуда не денется. Она обязана дать ответ. По закону – обязана. Но какой бы ответ они ни дали, в любом случае, газета будет в выигрыше. Многие местные начальники даже не подозревали, в какие проблемы они влезают, начиная спорить с прессой.

В принципе наиболее точно здесь народная мудрость: «Все равно что плевать против ветра!»

А пока, не дожидаясь манны небесной, он подготовил второй «снаряд». Съездил в Москву, отвез туда судебное решение. И попросил знакомых юристов, связанных с администрацией президента, прокомментировать этот опус. В результате доктор юридических наук изумленно давал оценку решениям местных «шабашкиных»:

– Я, конечно, не участвовал в судебном процессе, а просто изучил представленные документы. Судя по ним, мы столкнулись с фактом вопиющего произвола, когда арбитражный суд выполняет чей-то заказ. Вопреки очевидным фактам, которые никем не могут быть оспорены, судья выносит фактически противоправное решение...

И далее по тексту. Со словами о привлечении судьи к ответственности. Дубравин цепил к заметке звучный заголовок: «Закон, что дышло?» И отправил ее в печать.

Совершив эти действия, он задумался. Впереди вышестоящий, окружной суд. Интересно, дотянутся ли лапы местных судейских туда?

От размышлений его оторвал телефонный звонок. Вбежала изумленная полнотелая, но статная и твердо намеренная секретарша:

– Александр Алексеевич! Вам звонят из приемной... губернатора!

– Да? Как хорошо! – радостно, но с ноткой тревоги ответил Дубравин. Вот, кажется, первый отклик и пришел.

* * *

Приемная у губернатора, в общем и целом, ничего. Выглядит прилично. На полу зеленый ковер, скрадывающий шаги. Мебель такая солидная, подходящая для любого учреждения. Часы с длинным маятником в углу. Плотные шторы. А вот само здание областной администрации давно не ремонтировали. Паркет кое-где покоребился, батареи отопления старинно-чугунные. Лифты скрипучие. Видно, от коммунистов досталось генерал-губер-

натору не слишком завидное наследство. Ведь область входит в так называемый «красный пояс», где у власти прочно обосновалась старая гвардия. За пару десятилетий со времен «контрреволюционной революции» здесь менялись только поколения коммунистов. На смену одному приходило другое. А все хозяйство тем временем постепенно приходило в упадок под аккомпанемент разговоров о рынке, подъеме, инвестициях. Народ с заводов разбредался кто куда. И занимался в основном выживанием.

Но настроение постепенно менялось. Если первые годы коммунистам удавалось переводить стрелки на «москвичей» и центральную власть, то теперь делать это становилось все труднее. Тем более, что люди видели – соседние области рванули вперед. Там жизнь лучше и веселее. И вот это недовольство постепенно вылилось в некое движение, некую «фронду» со стороны деловых людей. Но выдвинуть по-настоящему своего, от предпринимателей, кандидата они не смогли. Не нашли. Не рискнули. И пошли проторенным путем. В это время возникла то ли мода, то ли вера в генералов. Они, мол, наведут порядок. Как варяги, прибывшие на Русь. В Красноярске – Лебедь, в Курске – Руцкой, в Ульяновске – Шаманов, в Смоленске – Иванов... В общем, местные элиты подумали и решили обзавестись своим генерал-губернатором.

Послужной список его не изобилует какими-то прорывами. Так, ровненько, шаг за шагом двигался он по служебной лестнице, пока не вошел в лета и чины.

Ну а в Москве, где уже отчаялись, не зная, как разделаться с «красным поясом», даже обрадовались. Дали зеленый свет. Пусть выбирают между коммунистом и «государевым человеком».

Так вот, бывшего губернатора-коммуниста прокатали на всенародных выборах. И победил Кулик. Не совсем тот кулик, что «свое болото хвалит», а однако ж свой. Удобный. И, в общем-то, неглупый человек.

За ним подтянулись на хлебные места все его заместители. Но так как новый хозяин области слабо разбирался в хозяйственных делах, на экономический и имущественный блок вышли люди из так называемого «бизнеса».

Надо заметить, что Дубравин четко различал тех, кто занимается бизнесом, и предпринимателей.

Себя он относил к последним.

Предприниматели – это те, кто с нуля, своим трудом строят дело. А бизнесмен – это человек, который зарабатывает деньги. Неважно на чем. Так вот, теперь в администрации заправляли как раз бизнесмены – люди, поднявшиеся на «паленой» водке, разделе государственного имущества, ограблении казны, спекуляции и прочих сомнительных операциях.

Приблизительно с таким пониманием расклада Дубравин и пришел сюда по щекотливому делу, в котором «бизнесмены» из администрации заняли тупую и неперспективную позицию.

Дубравина пригласили. И он вошел в просторный, ухоженный кабинет с такой весьма удобной мебелью. Все тут стандартно. Флаги, портреты, большой стол для совещаний. Ковровые дорожки. Все хорошего качества. Из хорошего дерева. Но какое-то светлое, бесцветное. Никаких ярко выраженных тонов. И, что самое главное, округлое. Без острых углов.

Навстречу Дубравину из-за стола поднялся приличный на вид, явно воспитанный и даже в чем-то интеллигентный седовласый мужчина. Хорошо, спортивно сложенный, но ничем особенным, как и все представители его профессии, не выделяющийся. Впечатление дополнял серый, отлично сшитый костюм.

Поручкались. Сели. Кулик спросил:

– Чай? Кофе?

– Лучше чай! – Дубравин так и не научился пить горький кофе.

Как оказалось, Дмитрий Геннадьевич был в курсе всего того, о чем ему начал рассказывать московский гость. Но слушал внимательно. Видимо, оценивал ситуацию.

– Вот, вынудили ваши подчиненные, Дмитрий Геннадьевич, меня вернуться к основной профессии. Взяться за перо, – закончил свое недолгое повествование Александр. – Мы купили это здание. Заплатили деньги. Оформили документы. Все сделали по закону. А теперь вынуждены бегать по судам. Строчить заметки в газете...

– Все, в общем, понятно. Но переселение чрезвычайщиков – дело муторное...

– Да там только сам генерал сидит. А ни служб, ни оборудования нет.

– А может, вам подыскать другое помещение?

Дубравин только представил себе весь ужас прохождения еще по одному кругу. И активно замотал головой:

– Понимаете, мы отказаться от этого здания уже не можем. Завод наши деньги давно истратил. И нам он их не вернет! – И, уже не зная, какой черт его дергает за язык, добавил:

– Нам никакая война не нужна. Мы хотим мирно жить и работать. И, кстати говоря, когда вы шли на выборы, я своим сказал: «Вот человек, который может навести здесь порядок». Мы надеемся на вас...

– Я поручил разобраться в вашей ситуации моему заместителю Хитроеву. И что он вам предложил?

– Мы с ним встречались. Он сказал, что решить вопрос по зданию не в его компетенции. И предложил мне... Чтобы я уступил ему долю в своем издательстве.

– Что?!

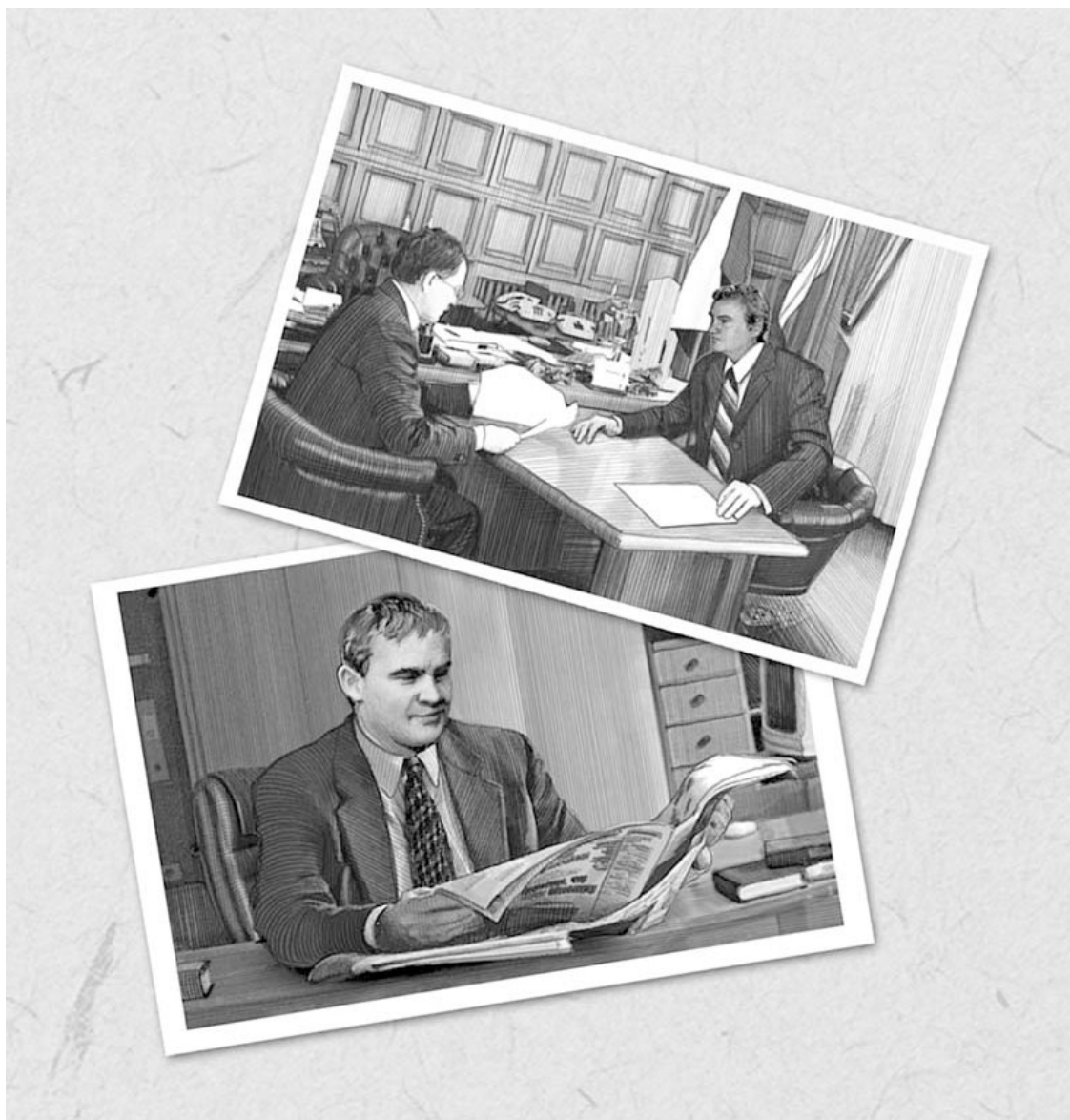
– Да, вот так. Типа того, что у меня, мол, есть время на телевидении, а у вас издание газет. Давайте мы сольемся в экстазе. Можно сказать, предложил скрестить ужа с ежом. С соответствующей долей ему. Я отказался...

И вообще, ситуация эта сегодня никому по большому счету не выгодна, – продолжил говорить о своем больном Дубравин. – Ну, будем мы судиться до посинения. Ну, предположим, в очередной инстанции проиграем. Но я вас уверяю, после каждого судебного заседания в «Молодежной газете» будет появляться очередная заметка. И что бы мне ни говорили – в конечном итоге я буду писать, что суд продажный, что администрация творит беззаконие, нарушает все нормы права. И скандал этот будет тянуться вечно.

Седовласый генерал-губернатор задумался на минуту, внимательно посмотрел на Дубравина. Потом взял трубку. Куда-то позвонил по внутреннему телефону. И сказал:

– Пусть Хитроев зайдет ко мне!

Через пару минут в кабинете нарисовался длинный Леша. На личике у него было написано тревожно-вопросительное выражение.

– Садитесь! – предложил ему губернатор тоном, каким следователь разговаривает с подозреваемым. И продолжил без введения. Сразу в лоб. Как на очной ставке:

– Вот товарищ Дубравин говорит, что ты спрашивал у него долю в бизнесе? Было такое? Или нет?

– Нет! Нет! Ни о чем подобном у нас разговора не было, – с нотками отчаяния в голосе завершал Хит-роев.

– Так было или нет? – теперь губернатор обратил свой строгий взор уже на Дубравина. Александр этот взгляд выдержал. И твердо ответил:

– Было! Я уже сказал. Могу повторить здесь. При нем...

– Иди! – строго заявил шеф своему заместителю. – Потом поговорим. – И обратился к Дубравину:

– Я думаю, мы найдем решение к нашему общему взаимному удовольствию.

– Хорошо! – ответил Дубравин. И, поняв, что аудиенция закончена, стал подниматься из кресла...

Он возвращался обратно. В старый офис. И думал о полученном уроке.

«Какие из всей этой истории мне надо сделать выводы? Ясное дело. Сегодня и страна в целом, и наши губернии управляются кланами.

И разгромленная в начале девяностых номенклатура берет реванш. Собирается с силами. Возвращается к власти. И горе одиночкам. Кто ни к одной команде или банде не принадлежит. Горе простым предпринимателям. Им хода не дадут.

Я здесь чужак. И мне надо как-то вписаться в местное сообщество. Иначе будем спотыкаться на каждом шагу. Такие уж времена наступают. Надо, так сказать, учитывать местную специфику».

* * *

Через несколько дней из администрации области поступило письмо с предложением о заключении мирового соглашения в споре за здание. Еще через месяц после улаживания формальностей генералу подыскали новое место. А издательский дом начал процесс переезда в собственный дом.

Часть II Русский вопрос

I

Встретились как-то двое грузин. Разговаривают:

– Слушай, Гиви! – сказал один другому. – У тебя машина есть. И у меня машина есть.

А у Валико нэт. Давай поможем ему!

– Давай! – согласился Гиви.

Собрались. Скинулись. Купили Валико машину.

Встретились как-то двое армян. Говорит один другому:

– Слушай, Армен! У тебя дом есть. И у меня есть. А у Карена нэт. Давай построим ему дом.

– Давай! – сказал Армен.

Собрались. Скинулись. Помогли Карену. Построили ему дом.

Встретились два русских. Говорит один другому:

– Слушай, Иван! Ты сидел. И я сидел. А вот Мишка не сидел.

– Давай посадим! – ответил Иван.

Собрались. Написали, куда следует.

Помогли. Посадили Мишку...

(Анекдот советского времени.)

II

У него день отдыха. И, как положено «настоящему мужчине», он лежал у себя в комнате на диване. Так теперь устроена его жизнь. Разделена на две половинки.

Одна – большая, беспокойная ее часть – это дороги, города и веси, дела большие и маленькие.

Другая – московский дом. Точнее, подмосковный дом, лужайка перед ним, маленькая сауна. И много-много книг.

История появления этого дома одновременно смешна и поучительна. Несколько лет назад, когда топ-менеджеры «Молодежной газеты» стали зарабатывать приличные деньги, всеми овладела страсть к переездам. И люди стали перебираться с окраин и спальных районов столицы в центр. Обозначая тем самым в глазах окружающих свой жизненный успех. Через полгода переселенцы соображали, что полноценно жить в центре невозможно. И начинали выбираться за город.

Первым этот скорбный путь проделал Протасов. Следом – остальные.

Дубравин посмотрел на процесс. Проанализировал ситуацию. И решил сократить цикл. Сразу из своей «хрущобы» перебраться в загородный поселок. Строиться.

За рекомендациями он, естественно, обратился к самому Владимиру. Как, мол, дорогой товарищ, построиться без особых хлопот и напряжений? Протасов, который как раз в это время завершал мучительный процесс общения с нашими, родными строителями, дал ему бесплатный, но дельный совет. Пояснив в очень эмоциональных выражениях, с кем Дубравину придется иметь дело:

– Наши строители – просто мудаки. Никто, никогда, ничего вовремя и как следует не сдает. Постоянно пьяные. И толку от них не добьешься. Только выгонишь одних халтурщиков, как появляются другие. Каждый вновь появившийся прораб заявляет, что тот, кто работал здесь до него, ничего не соображает в строительстве. И вообще... козел. А вот он сам – крупный специалист. И сейчас все переделает, как надо. Короче, дурдом какой-то! И вот что – учти, Саня, так как в нашей раздолбайской стране последние семьдесят лет эта отрасль, строительство индивидуальных домов, не развивалась, то надо просто найти какую-нибудь иностранную компанию. Их сейчас на рынке пруд пруди. И они тебе сделают современный коттедж. Под ключ...

Обогащенный полезным советом, Дубравин отправился в представительство шведской фирмы. И в конечном итоге ровно через девять месяцев, прямо в канун российского дефолта, они дом поставили. Привезли на трейлерах и собрали. Казалось бы, живи и радуйся.

Но тут всплыла маленькая проблема. Татьяна, русская душой, отказывалась переезжать за город. Якобы она никогда не сможет туда добраться из Москвы. Нет общественного транспорта. А учиться управлять машиной она не будет. Так как на это неспособна. Боится очень. Дубравин несколько месяцев уговаривал ее попытать счастья за рулем. На что она категорично-истерично отвечала отказом. И тогда он решился на отчаянное заявление:

– Ну вот что, дорогая. Давай сделаем так. Ты живи здесь, в Новокосино. А я буду жить за городом.

Для нее, воспитанной в твердых патриархальных традициях, такая ситуация была неприемлема. И, как это ни странно, права она получила. Причем без взяток и блата.

Началась новая, загородная жизнь. И жизнь эта разительно отличалась от городской. Но ему нравилась. И сейчас он приезжал сюда с простым и ясным желанием – «залечь в берлогу». Тишина и покой царили в этом, как теперь любят выражаться, «элитном поселке». И здесь он с огромным удовольствием читал в основном религиозную литературу.

То великое потрясение, открытие правды Божьей, не прошло бесследно. Дух его пробудился к поиску красоты и истины. И выражалось это в жадном, непреходящем интересе к чтению. В первую очередь Библии и Евангелия. Он впитывал в себя каждое откровение, каждый слог этих вечных книг, начиная с самых первых:

«Вначале было слово! И слово было у Бога! И слово было Богом!»

Иногда, читая Священное Писание христиан, он думал: «Господи! Как же я жил, не зная, не понимая всего этого? Ведь это новый мир. Другой мир. Другая жизнь! Жизнь вечная!»

Несколько раз он пытался поделиться своими радостями и открытиями с женой. Но она понять их не могла. И, судя по всему, изменения в его мировоззрении только пугали ее. И отдаляли их все больше и больше.

Так что он постепенно замкнулся в себе, ушел в новый, только ему понятный божественный мир.

Этот духовный перелом сказался на характере Александра, на его отношении к людям. Он помягчел. Дух его качнулся в сторону добра и милосердия. Он, как и многие неофиты, дошел уже до того, что готов был отдать первому встречному последнюю свою денежку. И эта готовность не осталась незамеченной людьми корыстными, жадными, алчными. Многие из них хотели и пользовались этим.

Дубравину еще только предстояло освоить ту часть правды Христовой, что выражена в притче: «Не мечите бисер перед свиньями!» А пока он как губка впитывал все, что было написано, наслаждался открывшимися ему радостями веры.

Сегодня он с утра читал книгу священника Меня «Сын человеческий». И поражался тому, что такой вот удивительный священник убит неизвестно кем и неизвестно за что. Зарублен топором. Александру казалось, что все верующие люди – особенные, благостные, добрые, всепрощающие. И их не касаются тяготы и злоба мира сего.

Потом Дубравин отложил книгу в сторону и стал просматривать свежую почту. Письма, служебные записки. Тут по ходу дела в руки попал статистический справочник с итогами недавно состоявшейся переписи населения России.

Дубравин заинтересовался. Когда-то в университете он писал дипломную работу под названием: «Демографическая проблема в печати». И поэтому тема не была ему чуждой. Вот и сейчас он углубился в таблицы и графики с очень даже большим интересом.

– Боже ж ты мой милостивый! – воскликнул он, когда, продравшись сквозь кривые и столбцы цифр, начал понимать скрытые за ними смыслы. – Да мы же вымираем! Вымираем с огромной скоростью. Приблизительно по миллиону в год!

Это что же такое получается? Если другие народы, наши братья – чеченцы, ингуши, кабардинцы, дагестанцы – плодятся и размножаются, то мы, коренная нация этой страны, идем, образно говоря, «на дно червей кормить» со скоростью «Титаника» в Атлантическом океане!

Он завертелся на диване. Ворохнулась тревога под сердцем: «Русский народ вымирает. Вот они, плоды перестройки и революции. Та-ак! И отчего же это происходит? Низкая рождаемость. Один ребенок в семье. Высокая смертность. Алкоголизм. Наркомания. Сердечко болит от такой разрухи. Но если так дальше пойдет, то нам канты. И народу нашему, и государству.

И никто по этому поводу не горюет, не кричит, не бьет в колокола. Не гудит, не бьет в набат наша самая свободная в мире пресса. Не трещит телевизор. Почему? Да потому, что власть имущим эта правда не нужна, не выгодна. А народ как всегда безмолвствует. Да и не знает он этой ужасающей статистики.

Ну а я? Если понял раньше других. Чего молчать? Я ведь журналист как-никак, хоть и бывший. И у меня целая куча газет, в которых кто-то может рассказать о том, что происходит с нашим русским народом.

Впрочем, а нужно ли это самому народу? Он живет как во сне. Национального самосознания никакого нет. Вытравлено оно коммунистами, а то и вовсе запрещено. Нет теперь русских. Есть, по Ельцину, “россияне”. Вроде и русские, но какие-то они ненастоящие, не доделанные до конца. А сам я какой? Ну, я-то русский. Я после Казахстана быстро стал русским.

Вообще, интересный вопрос. Кто такие русские? Как их определять? Может, по крови? Вон сколько наших доморощенных патриотов в своих книгах требуют отделения зерен от плевел. Вроде ученые люди, академики, доктора наук, а плетут бог весть что. Даже в нашей деревне, Жемчужном, и то все нации перемешались, переженились друг на дружке. А уж в городах, там вообще, небось, сущая ересь получится. И как тут быть? Кто это будет определять человека на русскость? Комиссия? Как немцы арийцев определяли? По черепам?

Огромная страна. И везде люди живут. И говорят по-разному. И одеваются. На севере свои закавыки. На Кавказе – свои. А все считают себя русскими.

И понятное дело, нет человека вне нации. Спроси любого – кто он. Каждый ответит. А тут всех одним чохом определили в “руссиян”. Не-е, так не будет.

Надо хотя бы для себя разобраться в этом вопросе.

Для начала, наверное, это те, кто считает себя русским.

Правильно!

Если человек считает себя русским, это уже факт, что он хочет им быть.

Ну а если африканец считает себя таковым? Он, что, тоже наш? А по-русски ни бель-меса.

Значит, русский должен быть воспитан в нашей культуре. Знать язык, обычаи. Ну, иметь тот самый культурный код... А еще что?

Наверное, важно, чтобы он любил Россию. И что-то делал для нее. Эка я загнул. Ведь полно таких, которые свою страну ненавидят и называют презрительно “раш-ка”, “эта страна”.

Ну а религия играет роль? Вот иудеи своих считают, признают по религии. Даже из Африки привозят своих единоверцев.

Да, наверное, для полной русскости надо быть православным. Еще Достоевский говорил о том, что русский человек без православия... как же он там выразился? Сильно так... По-моему, “дрянь”!

Ну, и что же получается? Соответствует ли этим критериям то народонаселение, которое я вижу вокруг себя? Как-то не очень! Они не русские. Они, скорее всего, какие-то позднесоветские. Не до конца созревшие».

И Дубравин даже рассмеялся такому вот своему странному открытию.

«И когда же они окончательно поймут, что они русские? Когда им кто-то об этом расскажет? Как бы это не получилось по Шекспиру: “Пока травка подрастет, лошадка с голоду помрет”.

А что я могу сделать? Сегодня тех, кто отстаивает права русских, власти и либералы числят фашистами и маргиналами. Даже патриотов клеймят разными кличками. Хотя волков бояться – в лес не ходить!

Но я могу, в конце концов, хотя бы объяснить народу. Своему народу, что с ним происходит. Ведь они даже не понимают, не знают вот эту правду».

III

Три трупа лежали прямо у дороги. Лицом вниз. Со связанными сзади руками. В припорошенных белым снежком джинсах и черных куртках. Они уже замерзли до окоченения. Эти убитые в затылок люди. Главный оппозиционер. Его водитель. И охранник. Фотографию с места казни ему показал старый товарищ майор Юлдашев. Он же сегодня и рассказал последнюю новость:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.